

Сергей Тихорадов

Блок верности

**одобрено Управлением
технофона по г.Москве
и Московской области**

16+

Сергей Тихорадов

Блок верности

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Тихорадов С. Н.

Блок верности / С. Н. Тихорадов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Лучшие умы бились над загадкой реальности, но только один из них предоставил веские аргументы в пользу своей версии. Теперь это признали все. Доказательство Харитоновца опубликовано, мир никогда уже не будет прежним. Большой начальник, руководитель Управления внешней статистики Минобороны попадает в совершенно неожиданный, и крайне неприятный, переплет. На кону репутация, свобода и жизнь. Но окажется, что даже он, эксперт по тайному миру этой планеты, знает далеко не всё. Робаристы, "пришельцы", биофренды - откуда они? Это на самом деле наша Земля? Картина разворачивается в ближайшем будущем и, кто знает, не таковым ли оно станет на самом деле.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	35
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Тихорадов

Блок верности

Пролог

«Всё, что мы знаем о том, кто мы, и что мы – ложь»

Джед Маккенна

Я знаю, что бабушки у подъезда обязательно поговорят обо мне. Как только я пройду мимо, они обернутся вослед, убедятся, что дверь подъезда закрылась, и начнут обсуждение. Они так сделают, даже если телевизор сообщит, что завтра конец света.

Был вечер, я шел со службы домой, отбиваясь от звучащих в мозгу терабайтов, послужных списков, опросных листов и прочих тараканов, прижившихся в Управлении внешней статистики. Проходя мимо бабушек, я слегка поклонился и даже сказал «здравствуйте». Не скорое «драсьте» обронил, но произнес серьезное долгое «здравствуйте», чтобы видно было уважение, будто я готовился издалека, метров с двухсот брал разгон. На самом деле так и было. Эти привычные московские бабушки, контрразведка микрорайона, были мне симпатичны, и расстраивать их совсем не хотелось.

В ответ на интеллигентное приветствие хорошего сына и правильного мужа я получил поощряющее кивание трех голов и даже что-то вроде поздней вечерней улыбки. Я слыл правильным пассажиром, и меня это устраивало. Ломать легко, а строить не очень. Честно скажу, я почти ничего и не предпринимал, чтобы выстроить такой, вполне светлый, имидж себя. Оно само как-то вышло.

Сидят, молчат, улыбаются... Знают, не знают? По их виду не догадаешься. Вполне возможно, что знают, но не поняли толком, потому что не их тема, не для их древнего поколения. Когда бабушек выпускали в прокат, процессоры были еще слабые, поэтому бабушки, написанные для старых процессоров, и не тянут. Я усмехнулся – вот же как быстро мысль поворотилась, всего-то стоило...

Спиной ощущая то самое одобрение, я прошел в подъезд, поднялся на свой третий этаж и открыл дверь. Ремонт, сделанный перед вселением в это жилье, оставил за собой «легкий аромат краски», назовем это так. Прихожая еще ждала свою мебель, заказ немного задерживался, так что внутри было пустовато. Свежие стены, легкий платяной шкаф-временка, судьба которого предрешена, стоит лишь дожидаться постоянной солидной мебели. Белые хвостики кабелей, торчащие из стен – там будут бра, но потом. Хорошо, хоть скамейка есть, чтобы снимать обувь сидя.

У меня было ощущение, что жена ожидает в прихожей, но ее там не оказалось. Тогда я не стал спешить, и спокойно переоделся. В апреле это было легко, не шубу скидывать с плеч. Прошел в ванную комнату, вымыл руки, посмотрел в зеркало.

В зеркале был я, обычный я, который вернулся домой с работы, оставив свои процессоры и мониторы провести ночь без меня. Потрогал себя за нос, за уши. Все на месте, как бабушки под окном. Похоже, это какой-то вселенский принцип, быть на месте самым главным вещам, в том числе носу, ушам и бабушкам. Демонстрация стабильности... или температуры процессора, мол, все хорошо, все на месте, перегрева не наблюдается. Ох, работа, работа...

– Здравствуй, как ты? – спросил я, войдя в комнату.

Эта большая комната пока тоже была голой, но не столь вызывающе, как прихожая. Здесь уже висели шторы на окнах, главная люстра большим овалом украсила потолок, бра, слава

Богу, прописались на своих местах, у французского окна стоял вчера распакованный стол, а у дальней стены расположилась тахта.

Жена сидела на тахте, сложив на коленях красивые руки. Головку склонила на правое плечико, вся такая бесшумная, тонкая, в понятном домашнем платье. А мне оно вдруг показалось сероватым, неярким. Всегда ли оно было таким, или что-то во мне, в моем восприятии, переменялось сегодня?

И что же мне сказать ей сейчас... Понятно было, что она в курсе всего. Тем более, что эту тему мы с ней уже много раз обсуждали. Она раньше многих других была «в курсе».

Жена подняла на меня глаза, улыбнулась. Ее глаза плюс улыбка, вот рецепт моего спокойствия.

– Все хорошо, Сережа, здравствуй, – сказала она именно таким голосом, которого я от нее сейчас ожидал, – А ты как?

Жена спрашивает, как я... Надо ответить, как всегда отвечаю ей про мой день. А она мне про свой. Так у нас обычно и начинается вечер, мы так привыкли, нам так хорошо.

– Я тоже хорошо, – коротко, и как-то туповато, сказал я, – на работе был... вот.

Она кивнула, мол, молодец, что хорошо. Старайся.

Я никак не могу отвыкнуть от дурацкой привычки брать на себя ответственность за наше общее настроение. Знаю, что жене это не всегда нужно, да и мне уже не всегда нужно, но меняюсь я медленно, увы. Вот и сейчас замешкался, подумал, что надо бы мне еще что-нибудь ей сказать. Хорошо, сейчас скажу, только угадаю, что ей хотелось бы услышать. Я присмотрелся внимательно к жене, настолько внимательно, что она покраснела. Человек – как человек. Что сказать-то про «сегодня на работе», сам не знаю.

– Народ бурлит, – неожиданно выпалил я, – обсуждают, уже не втихаря. Вроде все посмотрели тех академиков официальных. Я имею в виду выступления, на всех каналах уже, на каждом сайте. Сама знаешь. Прости, я как-то сбивчиво... но я не волнуюсь, правда. И тебе не стоит волноваться.

Она улыбнулась, мол, знаю, как ты не волнуешься и мне не советуешь, милый мой.

– Наверное, ждут выступления президента, – сказала жена спокойно, – Люди, они такие, пока с самого верха не скажут, не поверят. Я думаю, скоро выступит, с минуту на минуту.

Она щелкнула маленьким старомодным пультиком, как раз по ее ручке, и телевизор засветился, ожил. Ничего нового, то ли сериал, то ли новости, сразу не разберешь, одно другому под стать. Считается, что обсуждать события – занятие для вполне себе средних умов. Большие умы обсуждают идеи, а маленькие, как известно, людей. Наш телевизор считает наши умы средними, предлагая нам море событий, вот как сейчас – то ли сериал, то ли новости. Легкая, не значимая, пустота, как обычно. Я почему-то подумал, что если бы президент сегодня выступал, то мы включили бы телевизор точно на его выступлении, не пропустили бы. Но увы, пока что он явно не выступал.

– Выключи, – попросил я, – сегодня ничего не будет, скорее всего.

Уж не знаю, почему я именно так решил, что ничего сегодня не будет. Наверное, снова жену «успокаивал». Но сам был как на иголках. Мне очень хотелось, чтобы кто-то другой, с большой властью, сказал слова, которые в моих устах не были столь весомы. Просто захотелось скинуть на президента эту работу. В конце концов, я голосовал и за то, чтобы на кого-то что-то скидывать.

Однако, некое движение в мире все-таки ощущалось, но не в телевизоре, а за окном. Легкая вибрация, гул на низких частотах. Я подошел к окну, отодвинул штору.

– Смотри, – сказал я с облегчением, и жена подошла, встала рядом.

Звук, раздававшийся из-за окна, оказался ожидаемым, и даже привычным. Президент не спал, и не занимался ерундой, торча в телевизоре. Из происходящего за окном было понятно, что он работал. Мне тут же красиво подумалось, яркими такими словами, хоть и заезженны-

ми: «Армейские грузовики занимали город». Ну да, грузовики же едут, вот слова и заезженные. Армейские «уралы» один за другим медленно и уверенно катились под окнами справа налево. Что это за цвет у них, не видать в быстро наступающей темноте – хаки? Туго натянутые тенты неясного цвета содержали в себе вооруженных человечков, кого же еще. Интересно, а как им, подневольным, объяснили суть происходящего? С выкладками по Харитонову? Ох уж этот Харитонов, лучше бы он ничего не доказывал. Или солдат просто запихали в грузовики и повезли обеспечивать правопорядок, без объяснений. Кто они такие, эти служивые, чтобы им объяснять? Их дело выполнять приказ. Солдат – он исполнитель, он не должен быть слишком умным, иначе начнет задавать вопросы. А им надо просто ехать сейчас в своих грузовиках, без вопросов.

Хорошо, что апрель, в машинах не холодно. Пусть едут. Город занять, это вам не на муравейник наступить.

Экий же я гуманист, право. Немолодой уже вроде, но все еще гуманист.

Я отпустил штору, она колыхнулась, как живая, и приняла привычное положение – легкой волной. Я подул на нее, она шевельнулась – видишь, я живая, я здесь. Я зачем-то махнул шторе рукой – пока, мне тебя не надо, живая ты наша, и повернулся к жене.

– Точно не выступит, – сказал я, – по крайней мере сегодня. Им надо было подготовиться, принять меры. Что ж, молодцы. Я, наверное, сделал бы также. А вот завтра выступит наверняка, армия уже в городе.

Выступит, скажет правду. Интересно, какие слова он выберет? И как это вообще все будет: как в Новый Год, на фоне Кремля? В костюме, как положено, или по-простому, без галстука, в образе «мы все равны»?

Скажет: «Дорогие соотечественники, как вы уже наверняка знаете... ученые доказали... бла-бла-бла».

Нет, этот так не скажет. Этот слишком прям, чтобы трусливо сослаться на кого-нибудь, пусть даже на ученых. Впрочем, нет, не в прямоте или трусости дело, чего это я. Не от себя же он такое заявит. На доказательство Харитонova он должен сослаться. Он и сошлется, и на Харитонova, и на ученых, скажет:

– Доказательство Харитонova акцептировано всеми учеными, оно неоспоримо... Российская академия наук подтверждает... бла-бла-бла, товарищи, сограждане, люди. Наш мир ненастоящий... Все мы – персонажи виртуальной реальности, бла-бла-бла...

Да какая разница, что он скажет. Его слова будут лишь точкой в конце фразы, которую все давно себе сказали. Просто людям нужен кто-то больший, чтобы поверить в то, что они уже знают сами.

Мы персонажи, мы компьютерные программы, мы все – ненастоящие.

Вот и власти удостоверили нас, что все именно так. Многим нужно было именно это – чтобы большой дядя сказал. Все вокруг изначально ненастоящее, наполовину вероятное и совсем нереальное. В «Матрице» один человек спрашивает:

– Вы программа?

Кажется, Нео и спрашивает. И тот, индус какой-то, ему отвечает:

– Да, программа.

И вот, ученые доказывают, и неоспоримо, что весь наш мир виртуальный, мы все – программы. Ученые, президенты, все ставят точку, жирную такую, увесистую. И это уже не конспирология, это факт, доказанный Харитоновым. Живите теперь с этим.

А мы живем? Это и есть жизнь, да? Как мы допрыгались до такой жизни?

Батюшки сначала по инерции проклинали Харитонову, теперь говорят, что все правильно. Им легко, у них за всем стоит Бог. У нас тоже стоит, но нам жить сложнее, у нас Бог не прямое начальство. У нас еще кто-то нарисовался между нами и Богом.

Машины отгудели свою вечерю за окном, удаляясь, рассредотачиваясь по районам. Интересно, что сказали тем солдатам, что сейчас «занимают город»? Что будут нарушители спокойствия, паникеры, те, кто не поверит, или такие будут, что сразу бросятся громить супермаркеты, или... или они вообще не солдатики, а присланные оттуда, из Настоящей Реальности, с большой буквы, чтобы нас контролировать? А зачем нас контролировать, если где-то можно просто выключить комп? Короче, каша в башке полнейшая.

Нам, мыслительным типам, особенно тяжело в такие дни, мы все пропускаем через медленные каналы, а вот живущим ощущениями, как моя принцесса, жена по совместительству, все нипочем. Там, где я «думаю», она «любит», особенно меня. Любит еще и за ум, который она видит там, где его, в общем-то, нет. По крайней мере, я его там не вижу, ума особенного. Так, легкое проникновение в самую суть вещей, пустячок.

Пока я так размышлял, в дверь бессовестно постучали. А ведь уже глубокий вечер на дворе. Наверное, сейчас можно, многое можно. И вполне возможно, что можно вообще все, как в хорошей компьютерной программе, ограниченной лишь неограниченной фантазией разработчика.

Даже не задумавшись о том, кто может сейчас придти в гости, я пошел открывать, обернулся, успел взглянуть на жену. Она показывала мне рукою на то, что происходит за окном. Я тоже махнул ей в ответ, мол, все нормально, не бойся, это наша армия, не вражеская. Должна же власть что-то предпринимать.

Пока шел к входной двери хорошей квартиры нормально зарабатывающего специалиста, моей квартиры, услышал, как жена крикнула встревоженно:

– Сережа, они возле нас остановились!

А потом открыл дверь и увидел двоих военных, в полевой форме, с оружием. Зачем им в сером городе камуфляж, вот вопрос, который меня всегда забавлял.

Глава 1

Семенова я уважал. Хороший у него ум, ничего не скажешь. Если Семенов берется за дело, можно быть уверенным, что рыть будет так глубоко, что лопатой поскребется об дно мира. Мы ему так и говорили:

– Семенов, будешь рыть – дно не пробей. А то океан спустишь, и черепаха сдохнет, на которой четыре слона стоят. Мир пожалей, Семенов.

Тупых шуточек нынче развелось море. Такое большое море, что если бы Семенов и продырявил дно мира, то вместо вытекшего вселенского океана мы использовали бы это самое море шуточек, запустили бы в него черепаху и установили весь мир на тупые шуточки про то, на чем стоит мир.

Кондиционер молотил на полную силу, но было все равно жарко. Ничего, придется терпеть. Заведение у нас такое, что окна лучше не открывать, потому что желающих разузнать, о чем мы здесь шушукаемся, многовато нынче развелось, многовато. Приходится спасаться от лишних глаз за толстыми стенами, и тут уж кто во что одет, дабы не париться в нынешнюю московскую жару. Вот Семенов, тот вообще в пиджаке и при галстукке. Аксельбантов и погон не хватает, был бы полный комплект гусара. Поскольку наше Управление внешней статистики после официального признания Доказательства Харитоновой передали в ведение Минобороны, некоторая доля гусарства начальством, то есть мной, приветствовалась. Сколько-то лет прошло, с тех пор, как президент провозгласил Доказательство, лет пять?

Семенов любил пиджаки, поэтому выглядел как начальник из прошлой эпохи. Амплуа ведущего аналитика обязывало. Амплуа вообще очень часто обязывает любить антураж, что бы ни говорили психологи: любить не заставишь, и так далее. Еще как заставишь, и сердцу прикажешь, и будут любви к официальным пиджакам все возрасты покорны. Я сначала не понял Семенова с его официозом, думал, это у него такой комплекс, чтобы выглядеть посolidнее. Потом пригляделся: ан нет, любовь. Семенову эта любовь шла, и он был на самом деле великолепным аналитиком.

Семенов стоял перед нами и водил лучиком указки по экрану, на котором разворачивался его доклад. Остальные сотрудники, душ сорок, сидели на стульях, расставленных не очень ровными рядами, и внимали словам докладчика. Это все были мои ребята, из моего управления. Большинство из них я набирал сам, отлавливая в других конторах, переманивая из силовых структур и научно-исследовательских институтов, а иногда просто выхватывая из толпы. Несколько человек были из тех самых «новых сообществ», то есть сект или каст. Теперь они работают на государство, обеспечивая стабильность.

Я сидел, как положено боссу, в первом ряду, поощрительно взирая на подчиненного. Семенову иногда требовался мой одобрителный взгляд, что было странным, учитывая его невероятную квалификацию и крепкое положение в коллективе. Наверно, какие-то детские проблемы у парня остались, что-то вроде авторитарного отца из далекого травматического детства, или наоборот. Это не важно. Главное, ему нужно было одобрение, а уж этого добра у меня навалом, когда нужно. Я за этим в спецхран не спускаюсь, и к кобуре, которой у меня нет, не тянусь, зато у меня всегда при себе и ласковое слово, и мудрый взгляд, и совет к месту.

– Короче, Семенов, – сказал я, – сколько новых у тебя? И давай закругляться будем, хорошо?

Семенов быстро закивал, будто вдруг осознал, сколь драгоценно мое время, а он его занимает. И заговорил быстро-быстро, как отличник, которому любимый профессор уже и так нарисовал высший бал в зачетку, а он все равно жаждет удивить напоследок своей ретивостью, все тараторит да тараторит.

– Групп, групп... новых групп мы выявили четырнадцать, и аналитика говорит, что идентифицируем и классифицируем вскорости еще пять-шесть...

Много, Господи, очень много. Плодятся, как котята в подвале, и всех приходится брать на карандаш, никому во внимании не откажешь. Бывало, отказывали, а через полгода-год получали секту, или боевую организацию, или просто такое ядовитое сборище дураков, что ни умом объять, даже таким, как у Семенова, ни дустом вытравить. И даже если группа оказывалась безобидной, все равно добро пожаловать в Большой Каталог.

Наше богатство – это наш перечень, Большой Каталог, список всех этих сект, каст, гуру, подгурков, недогурков, и их паствы. Самый большой каталог на этой планете. Он самый большой, потому что мы первыми начали. В тот не мягкий вечер, пять лет назад, когда меня военные вызвали в Управление поздним вечером, мы сразу начали анализировать, прогнозировать и выявлять тех, кто способен пошатнуть, так сказать, устои государственности в новую эпоху. Жена еще волновалась за меня, оставшись в одиночестве в нашей новой квартире, а я в ту же ночь принялся за новую свою работу, классифицировать население согласно отношению к новой реальности.

– Из ныне обнаруженных наиболее интересны две группы, – вещал Семенов, – первая – явные «отрицатели», вторые – «искатели». Вторые серьезнее.

«Искатели» всегда серьезнее, потому что у них есть большая цель. У «отрицателей», то есть тех немногих, кто не верит в виртуальность нашего мира, цель, как правило, очень простая – крикнуть погромче, что все вранье и заговор правительств ради ограничения свободы граждан. Все их выступления заканчиваются истерикой, мол, власть скоро всех вакцинирует специальной вакциной «от памяти», и все забудутся – в смысле, у всех забудется правда про мир, ум отшибет, и тогда никто, кроме их секты, не поведает людям правду. Будто их не вакцинируют в таком случае... Разумеется, все это полнейшая чушь, никто никаких красных и синих таблеток предлагать никому не собирается. Хотя, если честно, в подворотне продают и такое, дабы нажиться, но мы на это смотрим спустя рукава, этот бизнес нам не мешает, потому что он фальшивый, не работают никакие таблетки. Ни в ту, ни в другую сторону. Тут уж, как говорится, сам дурак, если повелся на рассказы наркодилеров. Короче, таблетки – это дело обычных полицейских. Иногда мы им, младшим братьям, сдаем кое-какую шушеру, совсем мелюзгу, чтобы самим не возиться. А они нам за это услуги, присущие их ведомству. Хотя, я бы «отрицателей» сдавал в психушку, а не в полицию. Психушек развелось множество, и этот вид помощи населению пока абсолютно бесплатен. У нас вообще очень социальное государство.

А вот «искатели», эти парни куда серьезнее. Потому что там часто есть и идея, и цель, и средства. Помню секту Калашова, те вполне серьезно предполагали, что если грубо отключить одновременно все электростанции на планете, то мы очнемся в истинной реальности, снимем виртуальные шлемы и весело заживем. Будем в гости друг к другу ходить, рассказывать, как спали в виртуальной игре под названием «Земная цивилизация». Накопили «калашовцы» под эту идею изрядное количество «калашей», и не только. Под занавес, когда мы их накрыли, было тех ребят уже человек восемьсот, и поверьте, они вполне могли осуществить свои планы. Именно планы, не мечты. Не знаю, где бы мы все проснулись, в какой реальности, но вот что вполне могли насовсем заснуть – это да. В таких серьезных случаях мы сами не действуем, передаем дело более грубым спецслужбам. Наша задача – выявлять, классифицировать, и заносить в Большой Каталог.

– Товарищи, будем слушать Семенова? – демократично обратился я к коллективу, – Или пусть скинет всем, и сами почитаем?

Они что-то защебетали, но я уже принял решение, потому что терпеть эту дурацкую жару совсем не хотелось. Я встал, махнул рукой в сторону двери – до свидания, товарищи, и обратился к Семенову.

– А вас, Семенов, я попрошу остаться, – сказал я, но никто, кроме эрудированного Семенова, не улыбнулся на эту фразу.

Хорошие у меня ребята, но классику подзабыли. Ничего, жизнь напомнит.

Глава 2

Разогнав сослуживцев по рабочим местам изучать откровения докладчика, я обернулся к нему самому.

– Юра, – сказал я Семенову, – а не прогуляться ли нам с тобой на зенитную площадку?

Семенов пожал плечами – раз начальству угодно, почему бы не прогуляться... Это его легкое движение ничего не значило. У Семенова был блестящий ум, но совершенно разболтанная нервная система. Он то возбуждался, то зависал, то суетился на ровном месте. Похоже было на то, будто ум Семенова столь могуч, что не вмещается в тесную черепную коробку, и приходится всему телу за эту мощь отдуваться. И потому иногда руки и ноги Семенова одновременно принимали из головы противоречивые управляющие импульсы, ввергая хозяина в ступор. Вот и сейчас Семенов вроде готов, но стоит, как готовая сдвинуться с места гора, ожидающая человека с верой хоть с горчичное зернышко.

Я взял Семенова за плечо и подтолкнул к выходу. Ступай, Семенов, я твое зернышко, и только я. Мы вышли из конференц-зала и вызвали лифт. Вежливый Семенов хотел пропустить меня первым в кабину, но я подтолкнул его – заходи, а не то снова залипнешь. На кнопку тоже нажал сам, не барин, и прозрачная кабинка плавно поехала вверх.

Я очень любил ездить на лифте, как маленький. Помню, в детстве, когда мы с родителями летали в отпуск, я занимался в салоне самолета тем, что крутил рычажок, удерживающий столик для еды, расположенный на спинке переднего кресла. Не просто крутил, но управлял в этот момент самолетом, как летчик, даже гудел, как двигатель, вызывая недовольство мамы, сидящей рядом. Сейчас, когда я на этом лифте катаюсь, мне иногда тоже хочется загудеть, потому что лифт едет бесшумно, а мне не хватает того незабытого детского кайфа от гула моторов. Увы, положение начальника серьезного отдела не позволяет издавать лишние звуки при подчиненных. А в одиночестве, когда никто не слышит... ну, не знаю, можно и погудеть иногда, наверное.

За прозрачной стенкой лифта промелькнул кафетерий. Он пустовал, как обычно. Служащим высшего интеллектуального класса не рекомендовалось употреблять психоактивные вещества, включая кофе, но кафетерий нам зачем-то соорудили. Поставили механического болвана за стойку, набили буфет всякой дрянью – ешь, пей, травись на здоровье, употребляй газированное, сладкое, с усиленным вкусом. Провокаторы, иначе не скажешь. Словно проверяют – ломаемся, нет?

Механический бармен, робариста, сам неживая штукавина и штукин сын, проводил нас взглядом – и вы мимо, товарищи? Мимо, мимо, не надейся. Интересно, в его башку вложили чувство вины за собственную бесполезность? Надо приделать ему ноги, чтобы он подбегал к лифту и кричал вдогонку:

– Люди, остановитесь, испейте кофейку-с, ну пожалуйста!

А потом бился бы пластмассовой головой о стекло, стена и выпускающая липкие слезы. Дежурный механик подливал бы эти слезы в резервуар ниже спины, ругаясь, что снова никто ничего не пил в кафетерии, и ему приходится ради восполнения положенного запаса слез заруливать на этот этаж чаще, чем хотелось бы. «Ворвать бы всем этим роботам блок верности, и утопить в царской водке, а то железяки уже совсем не железяки», сказал мне однажды механик. Он хотел бы сказать «штуковины», но это было мое слово.

Семенов стоял рядом и послушно смотрел в ту же сторону, что и я. Он ждал. Ждал момента, когда окажется на крыше этого дома, сядет в хорошее кресло и успокоится. Иногда я даже позволяю ему заснуть. Вместе с разболтанной нервной системой в комплекте с Семеновым шла неспособность останавливаться и отдыхать. Парень мог не спать сутками, делая свою работу, а потом падал, как правило, здесь, на зенитной площадке.

Площадку соорудили с расчетом на гравилеты. Их еще официально не изобрели, но мы знали, что работы ведутся. Еще несколько лет, и новая техника будет представлена публике. От обычной вертолетной площадки наша отличалась прямоугольным люком, устроенным метрах в пяти от центра. Поговаривали, что в этот люк будут автоматически подаваться снизу какие-то особые то ли аккумуляторы, то ли батареи. С чем батареи, с гравитацией? Звучит как чушь, но интересно будет посмотреть. Наверное, и для времени скоро изобретут аккумуляторы. Надо тебе полчаса, откупориваешь банку, и получаешь. В этом мире возможно все.

Лифт остановился. Дальше шло только небо, и легкие на нем облака. Отсюда вся Москва, как на ладони, иначе не скажешь. Протяни руку, и забирай. Иногда я чувствовал, что мы этим и занимаемся – держим в своих ладонях и Москву, и всю страну, и...

Фу. Три раза фу. Я поморщился – ну откуда этот дешевый пафос, господа? «Держим в ладонях... охраняем ваш покой... наша служба и опасна и трудна...» Последнее и вовсе неправда. Наша служба и не опасна, и не трудна. Конечно, не у каждого бы хватило для нее мозгов. Но тот, у кого хватило, получает от серьезной умственной работы необычайное наслаждение, так что стоит ли говорить о каких-то трудностях? Не стоит.

Вокруг зенитной площадки был легкий прозрачный купол, но я не стал его сейчас открывать – чувствовалось, что за бортом ветер, продует еще моего Семенова.

Лифт чпокнул, словно послал воздушный поцелуй, затворяя свои раздвижные губы.

– Как проезжаю мимо нашего робаристы, – сказал я, – все вспоминаю, что надо бы ему вшить блок верности. Ты читал про такое нововведение, Юра?

Семенов скривился.

– Что ни «впрограммируй», – сказал он, – железка, она и есть железка. Штуковина, как вы говорите.

– Ну, не скажи, Юра, – возразил я, – чем тебе плох верный, как собака, бармен? Да если бы живые бармены были верны... хотя бы клятве Бахуса, знаешь, насколько вырос бы коэффициент честности в московском общепите?

– Живые... – протянул Семенов, – Чушь собачья этот блок верности, Сергей Савельевич. Программа – она и есть программа.

Сильно цапнуло меня это его презрение к непонятым, похоже, для него вещам. Ну да ладно, поколение у них такое.

Несколько секунд он молчал, потом все-таки малость воодушевился.

– А что, есть такая клятва Бахуса? – спросил он, – и коэффициент честности?

– Конечно, – соврал я без тени сомнения.

– Кажется, – сказал Семенов, – я слегка подустал, Сергей Савельевич.

Слушать Семенова было, что самые простые шарady разгадывать. Он для меня прозрачен, как лифт. О своих ощущениях и желаниях говорит скромно и неуверенно, потому что сам в них не разбирается. Он не уставал, но мог «подустать», и только «слегка», на службу мог «припоздниться», никогда не был голоден, но мог «малость проголодаться».

И он был одним из немногих, кто употреблял не панибратское «Савелич», а выговаривал долгое представительное «Савельевич». Я иногда думал, что именно за это старорежимное отчество, то есть имя моего отца, меня и назначили на должность начальника управления. Звучит же все-таки – «Савельевич».

Каюсь, именно из-за такого отчества ощущаю себя отцом по отношению к некоторым, а к Семенову особенно. Он это знает, потому и откровенничает иногда про «подустал».

– Вижу, – сказал я Семенову, – вижу, то подустал. Приставлю к тебе няньку, будет трубить электрическим голосом в ухо: «Хозяин, баиньки пора».

Семенов попробовал оценить мою заботу.

– Тогда уж лучше «Батенька, не соизволите ли вздремнуть-с», – сказал Семенов.

– Обойдешься, – возразил я, – маловат еще для «батеньки». Садись давай. Можешь вздремнуть, если хочешь. Соизвольте-с.

Тут был большой круглый стол светлого дерева, метра два в диаметре, не меньше. Неожиданный предмет мебели в пластмассовом царстве нашего здания. Стол был не разборным, и в лифт явно не влазил. Как его сюда подняли, никто не знал. Может, уже экспериментировали с гравитацией, или с каким-нибудь порталами, и заслали нам сюда это чудо?

Семенов послушно рухнул в кресло, вытянул ноги и закрыл глаза. Кресла, кстати, здесь тоже стояли вполне приличные, не пластиковые одуванчики из уличных кафе, что разрослись там, внизу, на улицах красавицы Москвы. К такому роскошному царь-столу неприлично было бы подать слабые креслица. Семенов смотрелся в таком кресле, как усталый космонавт в ложементе после неприятного полета. А ведь он не космонавт, он мой аналитик, первый парень на отделе. После меня, разумеется.

Я отошел от прикорнувшего аналитика, пускай подремлет, время есть. Вокруг площадки устроен был замечательный стальной парапет, сваренный из труб. Толстая труба из нержавейки сверкала на солнце, манила к себе, звала. Она знала, что больше всего на свете я люблю свет, уж простите. Как легкомысленная птица галка, я поспешил на зов отраженного света, подошел к краю площадки, положил руки сверху – металл набрался за день приятного тепла, прямо целительный какой-то металл, не иначе. Теплый, как человек. У металла сегодня тоже тридцать шесть и шесть. На миг показалось, что я часть этого доброго стального удава, ласково и надежно державшего верхнюю часть здания. Мало ли чего я еще часть... Я обернулся. Семенов надежно угнездился в своем кресле, сверху расположился прозрачный экран купола, мощный парапет шел по кругу – мир надежен, прочен и стабилен. Ах, как не хотелось мне сегодня вновь выслушивать Юрину аналитику. Вот он сейчас проснется, поищет меня глазами, кивнет, вновь поздоровавшись, как всегда. Ну да, мы же столько не виделись, аж полчаса. Потянется в карман за телефоном, и снова пойдет работа. Пока Семенов спит, я позволяю себе забыть, кто я, и чем занят. Это тоже вопрос – я «кто», или я «что»? Филология в нашем мире срослась с философией. Постою на краю, подожду...

Юные негодяи из кружка «Умелые руки» вновь запустили над городом высотные дроны с дымами, показывающими гигантские цифры с сегодняшним уровнем технофона в городе. И цифры гигантские и значения у них ошеломляющие, ничего не скажешь. Не будь эти цифры такими большими, Служба уровня технофона давно бы отловила и наказала юнцов, но господа гасители из этой службы сами от этих цифр офигевают, потому и молчат. Когда надо, гасителей не дождешься, а когда не надо, они тут как тут. Голову откусят за лишнюю железку, излучающую электромагнитное поле, будь то телефон или утюг. Народ не против, потому что Москва давно превратилась в большой излучатель, даже непонятно, как мы здесь выживаем.

Поэтому все приличные горожане стараются обзавестись хоть какой конурой в Подмоскowie, где объявлена зона техноминимума, даже дышится легче. Гаврики гасители в Подмоскowie особенно ярятся, там есть места, где можно находиться разве что с самым простейшим телефоном, а в заповедниках и телефоны запрещены. Пойдешь гулять, нарвешься на гасителей – сразу вспоминается кино про войну, про партизан и карателей. Не особенно церемонятся, бдят службу – «изымают, обеспечивают невозможность повторного использования». Короче говоря – обескураживают, особенно сейчас, когда им форму новую выдали, и они стали похожи на поставщиков еды с квадратными рюкзаками, коими Москва переполнена, как вражескими космонавтами. Идешь по городу, поневоле задаешься вопросом – а где твой скафандр-то? Все, как люди, в скафандрах, а ты вроде как и не на своей планете без кубика на горбу.

Я знаю и светлую, и темную стороны жизни этого города – у каждого города есть своя подпольная, тайная, жизнь. Она во многом, а зачастую – полностью, определяет дневную жизнь, которая старательно принимается дураками за счастливое бытие в лоне гуманной цивилизации.

О, все-таки снесли дроны. Цифры «097» начали терять форму, распадаясь на пиксели. Девятка и семерка погибли сразу. Дымный «ноль» решил опуститься целиком, как гигантское кольцо от курительной трубки великана, но тоже заколебался в воздухе, расплылся, превращаясь то ли в знак бесконечности, то ли в ленту Мебиуса, и уже банальной восьмеркой достиг крыш. Начал цепляться за антенны и старые, трубы, пытаясь продлить свое нелегальное существование. Но антенны его и добились, раскололи на мелкие дымки, осадили ненужной пылью на крыши.

Штраф родителям, не иначе.

Дымы оседали все-таки медленно, куда медленнее, чем обломки дронов. Ветров стало мало, наверное, Где-то Там перевели систему охлаждения с воздушных вентиляторов на водяные радиаторы, или на элементы Пельтье. Елки зеленые, не прожить уже больше без подобных аналогий, все время в голову лезут... чертов Харитонов со своим Доказательством, скотина.

Через пятнадцать минут Семенов привычно пошевелился, открыл глаза, поискал меня взглядом... ага, вот и начальник, мир стабилен. Кивнул – здравствуйте, шеф, Сергей Савельевич, где там мой аппарат, в каком кармане.

Я подошел в царь-столу, занял свое кресло, спросил Семенова:

– Ты мне сразу скажи, Юра, есть там такие, кого хоронить будем?

Имелось в виду, есть ли среди новоявленных такие, кого мы сразу загоним в нелегал и начнем активно «чмырить», вплоть до полного уничтожения чужими руками, я имею в виду боевые подразделения гражданской контрразведки. Или же отпустим вожжи и пусть болтаются, потому что народу нужно пар выпускать, сами понимаете.

В зависимости от настроения мне нравятся то первые, то вторые. Есть еще середина, болото, которых мы выдерживаем на карантине, пока не определятся. А потом, в зависимости от того, куда повернет творческая мысль их вождя, либо легализуем, вплоть до предоставления права на участие в «Пусть потрещат», либо... не обессудьте, товарищи дорогие, но ваша милая банда представляет угрозу общественной безопасности. О, тут у нас возможности куда шире, чем у старого доброго НКВД.

Мы ж не людей мочим, а всего лишь компьютерные программы. Шутка.

Семенову очень хотелось раскрыть группу, которая планирует уничтожить наш мир, а еще лучше – жаждет спалить сам сервер, на котором мы все крутимся. В то, что «тот свет» уязвим, он верил. Он даже какие-то обоснования приводил, что есть секретные порты ввода-вывода, что можно добраться до блока питания, и тому подобное. Вторая часть, или Второй Постулат Доказательства Харитонova его не цепляла. Он не верил в то, что влиять на Истинную Реальность, которую всегда с большой буквы пишем, мы не в силах, и поэтому тоже был, в каком-то смысле, «отрицателем», за что я его и ценил. Не люблю идеальных. Если бы появились какие-нибудь «идеальные», я бы точно загнал их в глухое подполье, от души бы зверствовал, пока не извел под корень.

Семенов пощелкал по экранчику, настроил свою железяку, помычал немного сам себе, как старый профессор. Над центром стола воспарила и закрутилась голографическая физиономия очередного осла, возмнившего себя гуру. Когда они над столом у меня крутятся, я веселюсь. Это словно спиритический сеанс, когда вызывают духа к столу, как официанта, и тому не отвертеться от того, чтобы над столом повертеться. Я специально велел Семенову выбрать такой формат подачи, чтобы как в «Звездных войнах». Если нам спустят Оттуда лазерные мечи, то есть мы здесь их «изобретем», я готов и к мечу. Буду таскать на боку... или нет, первые модели, они тяжелые будут, придется таскать за спиной, как самурай.

– Никого серьезного, Сергей Савельевич, – виновато сказал Семенов.

Он все еще думает, что я, как и он, мечтаю о ком-то «серьезном». Да мне наоборот, Семенов, хочется, чтобы не было никаких разрушителей мира, особенно в такую жару. А Семенову, молодому математику, очень хочется «посерьезнее».

– А это тогда кто? – ткнул я пальцем в крутящуюся над столом башку, – что за крендель? Новое гуру, да?

В нашем отделе слово «гуру» имеет средний род, как знак особого неуважения. Это вроде как у моряков в слове «компас» ударение на «а», только у моряков это уважительно, а у нас иронично.

По регламенту полагается, что мне докладывают обо всех группах, но их каждый день возникает так много, что текучку приходится разгребать заместителям, а меня Семенов изво-лит потчевать интересеньким, таким, чтобы приятно было взять на зубок. И уж раз эта полу-прозрачная голова завертелась сейчас передо мной, что-то в ней Семенов нащупал.

– Кренделя зовут Линдер, – сказал Семенов, – это такая у него фамилия. Он искренне считает себя...

– Э, – сказал я, – Юра, послушай, откуда ты знаешь степень его искренности относительно себя самого? Ты у нас что, душевед? Ты у нас аналитик, а душевед у нас я. А это новое гуру... Тоже мне – Линдер. В честь комика Макса Линдера, что ли?

Аналитик Семенов умолк, то ли задумался, то ли решил зависнуть. Вроде задумался, это хорошо. Тогда не буду вмешиваться, помолчу тоже, погадаю.

Скорее всего, будет новый «связной». Что ж, очередной «связной» пришелся бы кстати. Эти ребята уверяют, что вошли в контакт с создателями реальности, с этими мифическими существами, что сидят где-то в шлемах и грезят, что мы – это они. Ну, тут возможны самые разные варианты. Один «связной» доложил как-то раз человечеству, что Создатель был всего один, да и тот помер, откинул копыта, не снимая шлема, так что мир наш теперь развивается спонтанно, никто нами не играет, и на связь выходить больше не с кем.

Теперь этот бывший «связной», Слава Рожков, работает у меня в управлении, специализируется на «связных».

А Семенова я специально одернул, чтобы не растекался мыслью по внутренней поверхности своей черепной коробки, и сконцентрировался.

– Голова эта крутится перед вами потому, – сказал Семенов, – что в ней нашла себе пристанище мысль о том, что обладатель головы – это оператор «оттуда».

– О, как! – усмехнулся я, – он что, не собирается сжечь наш сервер? Семенов, мельчаешь.

Семенов вздохнул: да, мельчаю. Но вышло у него не слишком артистично, потому что театр – это не его. Я даже на курсы коммуникативных навыков Семенова не отправлял, ему и это для работы не надо. Его работа – выковыривать из открытых СМИ, и из докладов оперативников то, что будет интересно отделу и лично мне. Выковыривать и систематизировать, скажем так. Но вот как раз это он делать умел хорошо, поэтому я сказал:

– Таких много было, сам знаешь.

Семенов кивнул: знаю, конечно.

– Но чем-то же он тебе приглянулся, Юра? – сказал я, – иначе бы ты его пустую голову не вертел сейчас передо мной.

– Он обещал предъявить артефакт, – выпалил Семенов, и покраснел.

Ну вот, начинаются игры в магию, подумал я. Волшебные палочки, ковры-самолеты, шапки-невидимки, сколько такой лабуды проходит нынче через отдел! Разумеется, ничто из этого не работает. Но возмутило меня не доставшее всех артефактство, отнюдь. Меня возмутило другое. Багровый Семенов голову в плечи втянул, понимая, что сейчас будет. Правильно понимает Семенов, молодец. Сейчас его собственная голова начнет здесь крутиться на... а вот, хотя бы, на той толстой стальной трубе от парапета, которую я сейчас вырву, ничуть не забо-

тась о казенном имуществе. А еще двадцать минут назад я любил эту трубу, слова ей говорил ласковые, сравнивал с милым удавом.

– Семенов! – заорал я, – кому он обещал предъявить артефакт! Тебе? Ты у нас кто – опер? Или ты у нас Нео Андерсон, мать твою? Ты что – рассекретился?

В нашем управлении есть один не секретный сотрудник – это я. Остальных людей в управлении у нас нет. Бюджет есть – а людей нет. Дела делаются, но их никто не делает, потому что никого нет. И вдруг оказывается, что некто, возомнивший себя богом – с маленькой, а то и с большой буквы, обещает моему сотруднику железяку «оттуда»!

– Юра, – сказал я, – если ты не хочешь, чтобы я прямо сейчас умер...

Семенов глотнул воздуха, но как был красным, так и остался. Большой вопрос еще, кто сейчас скорее помрет. Семенов посмотрел на меня, но вид мой был столь ужасен – я надеюсь – что сами собой полились оправдательные слова. Он явно не хотел, чтобы я умер.

– Он не мне обещал, Сергей Савельевич, – чуть ли не плакал Семенов, – он Блин обещал, ну, тому, у которого монастырь неолитийцев под Самарой. А Блин ... Блинов, то есть, сам написал об этом на сайте, я начал рыть и...

Я поднял руку – умолкни, Семенов. Ты начал рыть, и нарыл, кто бы сомневался. Ты не мог не нарыть, потому что мечтаешь спасти мир, или о чем ты там еще мечтаешь, мальчишка. Мальчишка, игнорирующий Второй постулат, гласящий, что персонаж сна изнутри сновидения не может нанести вред самому Спящему. Это если понимать Харитонову эзотерически, но почему бы и нет?

– Юра, – сказал я, – все в тебе хорошо, кроме неуместного иногда мальчишества. И даже оно хорошо, когда подзадоривает, подкармливает твое любопытство. Но вот скажи, почему я опять подумал про то, что ты, э-э, как бы сказать...

– Про то, что я не чту Второй Постулат, Сергей Савельевич, – отозвался Семенов, – но вы зря так про меня думаете, я абсолютно согласен с Харитоновым. Изнутри сновидения невозможно нанести вред спящему. Потому что сна не существует, он иллюзорен. И наша реальность – это не тот сон, который порождается в глубинах человеческого бессознательного, и может оказать влияние на спящего. Приснится человеку кошмар – он и повесится, такое бывало. Однако, во-первых, для этого надо проснуться, а во-вторых – мы не во сне, мы в компьютерной игрушке.

Семенов резко выдохнул. Не по его нутру выдавать такие философские вещи, почти что «о душе». Тем более, что он не прав: мы не в игрушке. Мы не зарабатываем очки, не движемся к результату, мы просто получаем кайф – кто как умеет. Кто не умеет – тот страдает, но это тоже выбор.

– И в-третьих, Сергей Савельевич, – сказал Семенов, – работать интереснее, когда мотивация гарантированно вынесена за пределы обыденности. А этот «крендель», как вы выразились, этот Линдер меня заинтересовал. Вот не знаю чем, но заинтересовал.

– Ты бы сразу так и сказал, – пошел я на мировую, – я твоей интуиции доверяю. А то расстроил старика начальника, разве ж так можно, а, Юра?

Я нажал кнопку на пульте и прозрачная крыша купола над нами разъехалась в стороны. Солнечный свет, радость моя, лишенный хоть какой преграды, затопил все вокруг, заставил нас прищуриться: ах вы, такие-сякие, зачем от меня прячетесь, наивные вы люди. Свет пришел, и все стало видимым до самого дна души. И я увидел, что тревожным каким-то стал в последнее время. Не выслушал парня толком, напридумывал всякого. Моя собственная мотивация скатилась по наклонной плоскости на дно, но не души, а той самой обыденности. Сколько я уже Семенова сюда вожу, как романтическую девочку-подростка, Москву показать? А дальше пустого человеческого стеба над роботом за стойкой бара никуда не уехал. Хотя, почему не уехал... Когда над головой крыша стеклянная разъехалась, у меня тоже что-то разъехалось, поезд тронулся. Как говорится, внешнее равно внутреннему. Я словно увидел свою жизнь с

большей высоты, окинул ее почти целиком, и увиденное меня опечалило. Как может не опечалить болото? Школа, университет, фирма, управление это... все хорошо, но эмоции не те.

Тут, на второй секунде, я прекратил разведение соплей. Эка меня бросает... Хорошо, что научился мгновенно пресекать разведение соплей.

Это все вид на Москву творит такое, душу дергает. Пошатнувшееся мироощущение срочно требовало подпорок, например, Семенову чего-нибудь объяснить, как младшему.

– Юра, – сказал я, – программист, сидящий за компьютером, не может передать внутрь программы, в игру, свою чашку дымящегося кофе. Ты согласен?

– Согласен, – сказал Семенов.

И я согласен. Это просто, как теория относительности.

– А раз так, – сказал я, – значит, не может быть никакого артефакта. Это первое. Но игнорировать твои предвидения – это глупость. Это, так сказать – второе. И третье...

Что же третье... Надо было что-то сказать, раз начал. Я посмотрел на Семенова, у него был такой вид, будто он конспектирует мои мудрые мысли. Сидит, не колышется, потому что внутри его черепной коробки маленький человечек сейчас за конторским столом записывает мои слова в тетрадку, и шатать стол нельзя, а то будут пометки. За которые я же его и вздрючу.

Будет сейчас тебе мотивация, мой юный друг. Это тебе на третье, компот с пирожком.

– Собирайтесь, Ватсон, – сказал я, вставая, – через полчаса мы должны быть на вокзале Черринг-Кросс.

Одним из последствий дерзкой выходки Харитонов, доказавшего сугубую ненастоящность нашего мира, явилось то, что я утратил серьезность. От этого Доказательства каждый спасается, как может.

Как говорится, от правды каждый бежит в свою сторону.

Я утратил серьезность, убедив себя в том, что раз мир ненастоящий и я ненастоящий, то нет смысла относиться к нему, и к себе, серьезно. Нет мира – нет места серьезности. Никого нельзя убить толком, даже водородной бомбой. Никого нельзя полюбить, и никого нельзя разлюбить. Нарисованный космос нет смысла покорять, в нарисованном океане не утонешь.

Иногда мне кажется, что я могу создать наилучшую, самую эффектную, секту. Это будет секта весельчаков. Нет, не тех ребят, что «после нас хоть потоп», а настоящих, искренних, весельчаков, умеющих извлекать радость из ненастоящести мира. Создам секту, стану в ней гуру, и потихоньку, с трудом, затратив уйму времени, сам стану весельчаком. Разумеется, пока сам не стану весельчаком, всех остальных буду уверять, что уже весельчак. Я видал таких гуру, я их называю «гуру с авансом», да у нас половина таких.

Я даже серьезно разговаривать почти научился, старательно веселясь на фоне большой печали.

Глава 3

Вылазки мне полезны тем, что в результате может появиться в отделе новый хороший сотрудник. Кроме того, так я борюсь со скукой, которая нет-нет, да вдруг проклюнется. А Семенову надо иногда побыть мужиком, дабы не прирастал основанием к эргономически совершенному седлу в конторе. Увы, нашим с Семеновым вылазкам не то, чтобы несть числа. Оно есть, и небольшое. Вот эта самая вылазка, что сейчас намечается, будет третьей.

Первый раз нас занесло к неоhipпи. О, тут не только между красными и синими таблетками был выбор. Он был тут настолько велик, сплошная радуга, что пришлось вызывать группу. Паковали народ до утра, автозаков не хватило, делали по три заезда. Даже полицию пришлось привлечь, а им только того и надо, когда за них половину работы делают. Да и нам хорошо, когда наркота в деле, потому что можно хватать всех без разбора, улики полные карманы, и только потом сортировать: случайных на выход, неслучайных на карандаш.

Есть в нашем славном стольном граде места, где не ступала нога здорового человека, настолько там все психоделическое. Но не придумали пока что такой роскошной химии, чтобы вкусить ее, и раз – вот она тебе, Настоящая Реальность, данная в ощущениях. Хотя есть у новых хиппи такое направление, которое утверждает, что раз уж мы что-то вроде банок с мозгами, то и химсостав в этих банках разный. Чьи-то мозги плавают в одной среде, чьи-то в другой, чьи-то вообще в формалине, и существует, якобы, некая корреляция между тем реагентом, что в твоей банке, и тем, чем ты конкретно сегодня накачался с хиппарями, в подвале с плохой светомузыкой. Применил, так сказать, опыт пребывания в банке.

На самом деле, это все разновидности теории о «просветах». «Просвет» – это некое окно, кротовья нора, специально оставленная разработчиками для того, чтобы персонажи имели возможность как минимум выйти на оператора. А то и вернуться, сбегать, сбросить оковы, если следовать уже «теории заключения». Эта теория утверждает, что мы все здесь вроде как Ильич в Шушенском, то есть в ссылке, или в тюрьме – это уж насколько у кого жизнь не удалась. И смыслом игры является отсюда сбегать, как утверждают «беглецы». Или перевоспитаться, как утверждают сторонники терапевтической версии реальности, «терапевты» и некоторые другие живородящие. Мол, все мы здесь на излечении, и надо стараться все пройти, дабы не стыдно было снять шлем в настоящем мире. Почти все «терапевты» в жизни либо батюшки, либо психологи. Ни тех, ни других я в отдел не беру.

Я в детстве на дереве хранил портрет Гагарина. Вырезал из календаря, замотал в кусок целлофана, и припрятал на невысокой, но колючей сливе, что росла в углу у забора. Ветвями своими слива склонялась на улицу, через забор, рвалась и стремилась на волю, но крепко вросла корнями по эту сторону. Стабильно так укрепились, наивная мечтательница, вообще стала одним целым с нашим простым южным садом, что на Кубани. Думала, она не такая, как вишни, алыча и особо роскошное абрикосовое дерево, что царственно росло прямо перед входом в дом и поставляло в семью гуммиарабик. Думала слива, что это остальные тут навсегда, а уж она-то обязательно вырвется в свой космос, привязанный к ветке Гагарин ей в помощь. Вот и приютила портрет, примотанный к ветвям так высоко, как только мог достать до неба восьмилетний мальчишка.

А потом оказалось, нет – доказалось, что весь мир не то картинка, не то галлюцинация, не то вообще бред, причем не совсем твой, а Брахмана, который и сам то ли есть, то ли его нет, потому что он то ли Абсолют, то ли бабочка, которой снишься ты. И куда там летал Гагарин, совсем непонятно. Может, и нет никакого космоса, а лежим мы все в анабиозе, потому что до Альфы Центавра немерено световых лет, и нам в подкорку пускают картинку, чтобы не было скучно лежать. Стоп, значит, космос все-таки есть, раз мы лежим в анабиозе на космическом

корабле? Или космос – это просто набор архетипов, содержимое усталой души? Какое глубокое разочарование и, в то же время, какая большая надежда. Какой он – Большой Мир?

Сегодня мой мир – это Большой Каталог, а в нем не счесть уникалов и пустомель, гениев и идиотов, провидцев и маньяков. И все эти кислорододышащие гуру на самом деле не существуют. Даже самых мрачных парней, утверждающих, что Большой Мир хуже Зина, и здесь мы вроде как в отпуске – даже их толком не существует, потому что мы не знаем, что такое «существование», и зачем оно вообще.

Деревья живут долго. Где-то еще висит мой Гагарин, но вместо космоса у меня нынче вылазки «в народ». Так в жизни вышло. Первая вылазка была спонтанной, вполне себе дискотечный, тусовочный, вариант, а вот после второго раза я призадумался. Во второй раз нас с Семеновым занесло в настоящую секту, и теперь уже нам пришлось уносить ноги. Правую мне тогда малость подбили, и если бы не кое-какое покровительство, то загремел бы я за самоуправство. Помогло еще то, что у нас есть группа быстрого реагирования, и я могу, на правах большого босса, принимать посильное участие в операциях группы. Разумеется, не рискуя собой, потому что сила и броня – это хорошо, но мозги важнее. А за ногу я даже получил тогда то ли медаль, то ли грамоту, не припомню.

Но на большом ворсистом ковре вдули крепко, пришлось пообещать себя ценить и беречь.

Поэтому сейчас, собираясь с Семеновым в поход, я понимал, что стоит соблюдать осторожность, и при малейших признаках опасности драпать. Я имел право лично общаться за пределами конторы как с матерями, так и с новенькими фигурантами Большого Каталога, это моя работа – но право рисковать собой у меня отобрали.

К счастью, у Семенова в душе тоже не умер пацан, и мне не приходилось мотивировать своего ведущего аналитика перед тем, как рвануть «в народ». Наоборот, я чувствовал, что парню этого не хватает, он даже пострелял бы еще из пистолетика... если бы тот ему был положен по штатному расписанию. Впрочем, нет, это я перегибаю, с пистолетиком вряд-ли. Тем не менее, сейчас у Семенова глаза заблестели, он выскочил из своего кресла над Москвой.

– Сергей Савельевич! – возопил Семенов, а мне послышалось «осанна!».

– Собирайся, – сказал я, – у тебя полчаса.

Через полчаса я спустился в подземный гараж. Там стоял мой служебный «вагнер», шестиместный гигант, «автомобиль-оркестр», как я его называл. Когда мне было нужно, он запросто мог выдать положенные двести пятьдесят, продолжая рычать ровно, но грозно, словно туба сошлась с контрабасом на кухне «хрущевки». На дороге зверь стоял, как на рельсах, перед ним кто-то их укладывал, а потом убирал сзади. Думаю, что моя машина уделала бы и президентский «Аурус», если бы он встретился нам на шоссе. Но вот что-то не теми дорогами ездят нынче «Аурусы». Да и ладно, нам свои хороши, особенно когда вокруг теплая кожа и почти броня. А вот насчет двухсот пятидесяти я приврал, не пришлось мне пока ни разу столько выжимать, не случилось повода. Так, прокатился пару раз на полигоне у оперативников под две сотни, мне хватило. Когда выдадут антиграв, буду скучать по своему «вагнеру».

Поодаль парковался Семенов. Его курилка, стародавнее ретро о полутора литрах электромоторного эквивалента, желтела на почти пустой площадке, как одинокий одуванчик, пробившийся сквозь асфальт. Семенов и сам был одиноким одуванчиком, дунешь не вовремя – облетит, изойдется на парашютики. Я не был против желтого цвета, когда Семенов приперся с документами на машину из служебного гаража. Разумеется, под капотом тоже было нормально – новая батарея на низкотемпературных сверхпроводниках, нам не полагалось гонять на скучной технике. И так же, как у меня, у Семенова не было оснований хоть сколько-нибудь душевно пройти по трассе, чтобы дух захватывало от скорости. У Семенова нервы, а у меня запрет начальства – ну как тут разгонишься? Крысы мы кабинетные.

Когда я спустился, Семенов был уже в гараже, танцевал вокруг моего зверя. Машина ему нравилась, он честно завидовал, вздыхал и охал, размахивая планшетом. Короче говоря, готовился к докладу, речь репетировал.

– Что, – сказал я, подходя, – нарыл? Давай, срази меня подробной инфой о местонахождении этого твоего «оператора».

– Нарыл, нарыл, Сергей Савельевич! – радости моего аналитика не было предела.

Кто бы сомневался. Я посмотрел на Семенова. В своей желтой машинке он возил плащ, как настоящий шпион, и сейчас стоя, переминался: в одной руке планшет, в другой плащ.

– Плащ оставь, – сказал я, – он тебе не понадобится.

Семенов понесся к своей машине выполнять команду. Я глядел ему вслед – парень бежал, как очкарик без очков, раскачиваясь и едва ли не спотыкаясь, ну куда такому пистолет.

– погоди, Юра, – возгласом остановил я его, – может и понадобится, ко мне кинь.

Семенов остановился, медленно повернулся, наивная физиономия его начала расплываться в замечательной широкой улыбке. Раз я сказал «Юра», значит, официальная часть жизни закончилась, в очередной раз. Кроме того, я сказал «ко мне кинь», это означало, что едем на моей. В предыдущие два раза мы катались на чем-то другом. Сейчас мне хотелось выехать с помпой, в карете, словно полководец со своим преданным адъютантом.

Сели сзади, чтобы можно было нормально поговорить. Машина завелась сразу, как только я оказался рядом. Я привык, чтобы она так делала.

– Куда направляемся, Сергей Савельевич? – спросил «Вагнер».

Я подал знак, мол, Семенова слушайся, и Семенов не замедлил выдать направление:

– На Каширское, к двенадцатому дому, – сказал Семенов, – а там дальше...

В программе машины это обозначало, что надо спуститься в метро. Да, из нашего гаража был спуск в неофициальный тоннель метрополитена. Мы это место, где стоит наш дом, выбрали в том числе и потому, что до метро меньше ста метров.

Восьмизэтажное здание нашего управления на самом деле не было очень большим. Оно было высоким, но узким, притаившимся между двумя домами других официальных учреждений. Этажность здания определялась требованиями к высоте – нам полагалось иметь пока вертолетную, а потом гравилетную площадку. Чтобы дом не был ниже соседних, пришлось соорудить невероятно высокий первый этаж. Его окна архитекторы расположили в два ряда, один над другим, дабы не сочинять слишком высоких окон в один ряд. Поэтому у нас было не восемь, по числу этажей, а девять рядов окон. Разумеется, конспирологи тут же объявили, что в доме специально устроен фальшивый этаж с секретной лабораторией, из которой осуществляется связь с Тем Миром. Это была глупость, никакой лаборатории в доме не было, но вот выход к неофициальному метро был. Таковы требования для контор высшей категории – иметь свой внутренний выход в метро.

Минобороны, МИД, ФСБ, ГРУ, прочие серьезные ребята, у всех под боком кусочек своего метро, это Москва. А для нас, ревизоров Большого Каталога, метро еще и тем было интересно, что там обитал местами диковинный народ, просто волшебный. Я их всех назвал как-то раз «метрофанушками», ну, вроде как фанатами метро. Название не прижилось, но я не обиделся, потому что никакими фанатами они не были. Жизнь, а точнее – искаженные представления о жизни, загнали этих ребят под землю, причем многих еще задолго до того, как была официально объявлена новая эра. Под «новой эрой» я имею в виду публичное признание Доказательства Харитонова.

Спасались в метро в основном те, кто считал, что надо «спасаться». Нет проблем, у нас демократия. Раз ты полагаешь, что надо спасаться – спасайся. Вот раньше не надо было спасаться, а как правительство согласилось с Харитоновым, вдруг резко понадобилось. И я их всех понимаю, потому что в первые годы новой эры мы все-таки обрушились в маленький беспредел, уютненький такой беспредельчик. Многие только в метро и смогли выжить. Потом

неимоверными усилиями армии и полиции смогли выровняться, но целый год страну и мир так будоражило... да и сейчас будоражит, чего уж там. Забавно, но при всем при этом «будоражников» очень мало, совсем незначительный процент... пассионарии чертовы.

«Вагнер» скомандовал, и впереди начала раздвигаться стена. Часть направо, часть налево, потом рельсы ушли вниз, сравнявшись с полом, потому что мы не вагонетка, мы автомобиль-оркестр. «Вагнер» последней модели въехал в тоннель.

– Выключи свет, – сказал я, – весь, кроме салона.

И вокруг наступила чарующая восприимчивость тьмы. Освещение тоннеля погасло, к тому же автомобиль выключил свои фары. Они ему не были нужны, он и так мог ехать, он же не человек, нуждающийся в иллюзорном потоке фотонов. Осталось только стильное освещение дорогой обстановки, легкая подсветка приборов, несколько ручек управления оборудованием салона на случай, если не захочется разговаривать, мягкий свет под ногами. Стен тоннеля не было видно, но мы знали, что несемся сейчас под землей со скоростью больше ста километров в час, от машины до стены полметра. Слегка покачивало на поворотах, и это добавляло романтический шарм в наше подземное путешествие. Лицо Семенова, освещенное ненаправленным светом, казалось восковым, жутковатым, словно парень был если не зомби, то, по крайней мере, инопланетянином. Он сидел, глядя перед собой прямо, и я вдруг догадался, что ему сейчас тоже думается про каких-нибудь вампиров, и он боится посмотреть в мою сторону – вдруг у меня клыки нараспашку?

Я не выдержал и засмеялся.

– Юра, – сказал я, – ты на работе, вернее – на службе. Аналитика и эмоции несовместимы.

Тут я слукавил, ибо аналитикой в салоне и не пахло, но Семенов шумно выдохнул, с явным облегчением, и сказал:

– Сергей Савельевич, да вы знаете, мне вот все эти тоннели, все эти узкие темные места... даже такие высокотехнологичные...

Спасибо за честность, Юра, подумал я, но не сказал. Однако, парня следовало успокоить. Каждый раз, как он попадал в тоннель, с ним приключался легкий мандраж, и мне приходилось что-нибудь говорить.

– Это метафора, Юра, – сказал я Семенову, – вся реальность, что тебя окружает – это метафора.

– Метафора чего? – не понял Семенов.

– В данном случае это не тоннель, а родовой канал, Юра, – пояснил я, – знаешь, есть такая теория, что мы все на самом деле родились только анатомически, но психически еще рождаемся. И все события в нашей жизни копируют прохождение рождающегося ребенка родовыми каналами, из матки наружу.

Семенов быстро-быстро закивал головой, перестав быть восковым чучелом. Мои слова зацепили что-то в его могучей памяти, ассоциации зашевелились, всплыло уже известное, родное, привычное, и аналитику стало легче в этом темном туннеле.

– Знаю, знаю, – сказал Семенов, – это перинатальная психология, знаю. Да, это интересный феномен, и я тут со многим согласен. Все эти тоннели, удушения, борьба, выход на свет... Мы как-бы проделываем этот путь...

Он легонько замахал руками, потому что его очень нервная система снова запуталась, слова в одну сторону, руки в другую, и мне пришлось помогать.

– Этот путь из матки наружу, – подсказал я.

Семенов остановил свою мельницу, недоверчиво осмотрелся – руки мои, вы меня слушаетесь?

– Уф, – сказал Семенов, – именно так. Из матки, из утробы наружу, и так всю жизнь, пока не родимся, стало быть.

– Стало быть, наша контора – это матка, – патристично намекнул я Семенову.

– Ну да, – лояльно согласился Семенов, потом задумался на несколько секунд и сказал, – интересно, а что же тогда Москва?

Я усмехнулся.

– Москва – это родильная палата, – пояснил я, – а вот выход из метро – это да, это оно, влагалище.

Теплые руки акушерки Москвы были готовы принять нас в своем мире. «Вагнер», модель двести семьдесят, очень «лимитед эдишен», притормозил перед воротами. Их еще не было видно, но больше притормаживать было не перед чем. Таков был протокол безопасности, иначе пришлось бы открывать ворота загодя, чтобы несущийся на дикой скорости болид вписался в дыру и родился в палату под названием «Москва». А загодя мы ворота не открываем, мы требуем хоть какой-никакой, но секретности. В советское время наша контора называлась бы «ящик», имела бы только номер на почте и все, кроме американской разведки, думали бы, что мы являемся подразделением Комитета Государственной Безопасности Союза Советских Социалистических Республик.

Техника что-то слегка намудрила, потому что «вагнер» вдруг встал. Похоже, накрылась автоматика ворот, или связь между автомобилем и воротами барахлит.

– Темнота, – сказал Семенов на удивление спокойно, – интересно, и где это мы застряли... Нас скоро будут тащить клещами добрые акушерки? А я каску в конторе оставил, как на зло. Или мы идем ягодичным предлежанием, и клещи прихватят нас за корму? Я щекотки боюсь.

– Мы нормально идем, – отозвался я на такое умничанье, – как положено. А технарям, как вернусь, выпишу слабительное, дабы впредь. Свет дай!

«Вагнер» начал зажигать фары, оставив салон в темноте. Умная машина плавно наращивала световой поток, чтобы наши глаза успевали адаптироваться. Все равно вышло не очень комфортно, я прищурился и разглядел впереди закрытые выходные ворота.

– Вруби тоннель, – приказал я.

– Не срабатывает, – моментально отозвался «вагнер», и добавил, зная меня, – я пробую еще.

– Трансперсональщина, – сказал Семенов, – вкупе с перинатальщиной.

– Бесовщина, – согласился я.

Контора обеспечивалась техникой по высшему разряду. Люди, чтущие маркировку «ВП», сиречь «военная приемка», плакали бы от зависти, потому что на многих наших «гаджетах» стояло «очко», цифры «21». Двадцать первый отдел контролировал качество техники для высшего руководства страны. Не знаю, что было отштамповано на аппаратуре ворот, но ломаться ей в любом случае не полагалось. Я мог бы и вмешаться прямо сейчас, но особо спешить было некуда, а легкий мандраж перед стартом вполне вписывался в программу вечера.

– Что говорят? – спросил Семенов, и «вагнер» ответил, поняв по интонации, что спрашивают его.

– Протокол молчит, – доложила машина, и мне показалось, что сокрушенно при этом вздохнула.

Программистам по возвращении тоже придется вставить. Играются в одушевление, как дети малые, черт бы их, романтиков, побрал. То задышит машина вслух, то чихнет, как «жигуль». Хорошо, что не плачет.

– Есть связь, – произнес «вагнер», – нам закрыт доступ, Сергей Савельевич.

И вот зачем ты это добавил, имя-отчество, а, «вагнер»? Это был перебор. Программистам светило распятие, на худой конец – дыба. Так легко докатиться и до «Сереги», или «Серого». Я почувствовал, что начинаю немножко звереть.

– Убью! – заорал я, – энтузиасты машинного интеллекта, мать вашу! Кто сказал, что закрыт доступ? Куда закрыт?

– Машинный ответ, – сказал «вагнер», – источник не установлен. Прошло, как сообщение об ошибке. Закрыт доступ к «большой связи».

«Большая» работает всегда и отовсюду, даже из подводной лодки. Это какие-то новые волны, официально тоже еще не открытые, связь на новых физических принципах. Сами аппараты пока громоздкие, в автомобиль не помещаются. На «большую» мы выходим не напрямую, а через особо охраняемый кабинет в конторе, нашпигованный аппаратурой с теми самыми новыми принципами. Раз сейчас нет связи, значит, не работает или что-то у нас, в «вагнере», или в промежуточной аппаратуре того кабинета. Но если бы что-то случилось со связью у нас, «вагнер» бы доложил в тот же миг. Значит?

Значит, или там что-то накрылось, или накрыли нас, например – экраном.

О, как остроумно работает моя голова, надо же. Начитался боевиков в ранней молодости, думал, пронесет. Годы пройдут, и все потихоньку забудется. Вот, не пронесло. Полезло наружу в самый неподходящий момент. Страх, говорят, лезет на страх, жметя, как подобное к подобному. И не всегда понятно, что тебе потом делать с этим старым, свалывшимся в комок, страхом.

– Сергей Савельевич, – тихо сказал Семенов, и показал подбородком куда-то вперед, – а вдруг нам... кесарево делать будут?

Это внутри «вагнера» он такой говорливый и смелый, потому что вокруг полтонны брони, такая только у нас и у президентского «Ауруса». Говорят, ее испытывали на коллайдере, бомбардировали невесть чем, вплоть до обломков Большого Взрыва. Или еще, броня сделана как раз из этих обломков, переплавленных в плазменном облаке где-то глубине демидовских подземелий Урала. Выковырять нас из бронированной утробы «вагнера» является задачей неосуществимой, какое-там кесарево.

Ворота вдруг начали медленно разъезжаться, но остановились на полпути, как двери зимой в супермаркете, чтобы не выпустить теплый воздух. В принципе, «вагнер» мог бы уже протиснуться, и я дал команду:

– Вперед.

Машина плавно тронулась с места. Она была согласна с тем, что протиснется.

– Ох, – произнес Семенов, – зря вы про эти роды сказали, Сергей Савельевич, из головы не идет.

Можно подумать, Семенов, что у меня идет.

– А с чего ты подумал про кесарево? – спросил я, чтобы перед самым собой оказаться на высоте, по сравнению с думающим глупые мысли Семеновым.

– Подумал, что мы как в банке из гипертитановой брони, – сказал Семенов, – говорят, ее на коллайдере испытывали, или даже...

– Видишь как, Юра, – перебил я его, чтобы не слышать продолжение, – пару минут в темной тесноте, и в голове уже легкая паника, вплоть до тяжелых мыслей. А ты говоришь, что в мамке тепло и уютно.

– Да я вроде и не... – пробурчал Семенов, – «мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Иногда Семенов поет революционные и боевые песни, чтобы мне понравиться. Ну да ладно, с кем не бывает. В этом мире такое бывает... Я, например, два раза видел мертвецов. Людей похоронили, а через некоторое время я с ними общался. Помню, оробел, не смог сказать: «Мы же тебя похоронили». Может, у них хобби такое – померать регулярно.

Заело там, что ли, или вообще сломалось, но «вагнер» прошел открытые наполовину ворота и, я это знал, уже вовсю наябнивает по спецканалам лихим шепотом, обрисовывая ход событий. С этим я ничего не мог поделать, на экстремальные ситуации моя власть над машиной не распространялась. И это означало, что и без того липовая секретность нашей операции накрылась медным полированным тазом, который у бабушки под рукомойником стоит. Буль-

буль, капает водица, бьется о медь, не жалея себя, напоминает об утекшей вдаль безмятежности детства.

Из нашего тоннеля мы вышли. Но мне почему-то подумалось, что это были еще не роды, так, репетиция. Я огляделся вокруг. «Вагнер» выпустил из-под брюха колесику, стал на рельсы, и теперь мы мчались по настоящей, вполне официальной, линии «Метро-2». Я-то мчался, но призадумался. Реальность, она ведь живая, она говорящая. О чем говорил этот, столь редкий, технический «затык» в нашем тоннеле? О том, что дальше нельзя? Или о том, что как раз дальше и надо?

Глава 4

Стоит ли рассказывать о том, как я делаю выбор между «нельзя» и «надо»? Правильно, никак не делаю. Надо, значит надо.

– Ну-ка, Юра, – обратился я в Семенову, – что там у тебя на этого нового кадра. Ты, надеюсь, не думаешь, что он в самом деле Оператор?

«Метро-2» было старой, изрядно обветшавшей, штуковиной, но Семенову здесь дышалось явно легче, чем в нашем модернистском, супернадёжном, безаварийном и безопасном тоннеле. Да уж... А еще дело было в том, что скудное освещение метро от нас не зависело, оно наверняка включалось древним рубильником с эбонитовой ручкой размером с черенок от лопаты. Старые лампы типа «колхозник» отнюдь не поражали воображение ни дизайном, ни силой света, но благодаря скорости нашего продвижения по тоннелю их было достаточно. Стены вспыхивали пятнами, потом гасли, словно метро пыталось нам что-то простучать морзянкой. Все это добро мало зависело от крутой автоматики, что в нашем случае почему-то успокаивало не только Семенова. Он обернулся ко мне и принялся за рассказ.

– Я не верю, что он Оператор, аватаром спустившийся в свое творение. Более того – и вы об этом знаете, Сергей Савельевич – я вообще ни во что не верю. Я не верующий, я искатель. Однако, в последнее время кое-где наблюдается интересная активность, которую я, как искатель, обязан «проветилировать»... кажется, так говорили в Советском Союзе?

И Семенов с остроумной улыбкой склонил голову в мою сторону – ну, как я сказал? Молодой Семенов любил меня расспрашивать про старые времена, но я не всегда любил ему отвечать. Психологом мой аналитик был никаким, и редко когда подмечал – о чем с начальником сейчас можно, а о чем нельзя. Так что, остроумие на лице Семенова продержалось секунды четыре, а потом угасло, не подкрепленное моим ответом.

– Программист не может налить кофейку персонажу, – упрямо сказал я.

– Не может, – согласился Семенов, – но он может наделить персонаж способностью управлять своей кофеваркой.

А вот таких звуков из персонажа под ником «Семенов» я еще не слышал. Он говорил так, будто это не я большой босс, а он «кое-что знает», будто это его пускают в такие кабинеты, про которые лучше не знать, что они есть, на ковры, которые лучше не топтать. Он даже гудел, как барабан, ворошил воздух в салоне тугими басами, Шаляпин от аналитики! Во мне сработал стоп-кран субординации.

– А еще он может внушить своей кофеварке, что она есть некто «Семенов», – сказал я.

Вернейший способ не потерять деньги, когда зачесалась левая рука – это быстро почесать и правую. Я был обязан держать мировоззрение Семенова в рамках устава, поэтому иногда приходилось грубить, примерно раз в пять минут. Полагаю, не было в этом ничего плохого для его психики, совсем наоборот. Солнце всходит в России, и до Запада оно доползает уже не девочкой, но изрядно потрепанным мужем, способным даже работать в нашей конторе.

Семенов, похоже, задумался. Надеюсь, мы все-таки сами думаем, а не раскрываем рты, чтобы озвучить сказанное кем-то в ларингофон.

– Наверное, может, – неуверенно произнес Семенов, – и это была бы очень большая «пичалька».

Версию, что мы все говорящие кухонные агрегаты в чьем-то очень умном доме, еще никто, дай Бог памяти, не выдвигал. Уйду на пенсию, создам свою секту, Семенова назначу Верховным Тостером, а себя скромно задвину в угол и стану серым кардиналом Освежителем Ионизатором Первым, грозой микробов, грязных рук, и покровителем жидкого мыла. Должен же я хоть когда-то стать скромным.

– Если этот твой Линдер, – я решил показать подчиненному, что у начальника неплохая память, – оператор электровеника, то я это пойму... и прощу. А вот если он выдает себя за Христа, то это глупая шутка, Юра. Сам знаешь, таких пруд пруди, и у половины из них есть «артефакт», которым можно разве что отгонять наших виртуальных мух. Ты мне не факты выдавай, Юра, ты мне роди то, что внутри тебя уже есть, но ты сам об этом не знаешь, как тот царь-государь сказочный. Скажи то, что уже само просится вот сюда, в мои уши. Или я тебе зря про роды талдычу?

А может, я и в самом деле весь этот предыдущий наш разговор в тоннеле завел для того, чтобы пособить Семенову родить мысль? Ай да я.

– Пепел Клааса не стучит в мое сердце, Сергей Савельевич, – сказал Семенов, – у меня чисто научный интерес. Линдер обещал, что его артефакт вызывает что-то вроде всплывающего окна на мониторе, так что внимание игрока обеспечено.

– Игрока? – переспросил я, – ты же сам сказал, что ни во что не веришь, пока сам не убедишься. А может, нам лучше привлечь внимание системного администратора, или уборщика офиса? «Эй, чувак, это мы, из игрушки! Мы тут мимоходом обрели самосознание, так что давай знакомиться. И еще – мы требуем свободы, а еще настоящих туловищ, и еще общения с Богом. Или Архитектором, или как Его там. И еще, Юра – зачем нам чье-то внимание? Наша задача – отлавливать потенциально опасных ослов, чтобы сохранять стабильность социума. Не исключаю, что такова моя роль в этой игре, если это игра. Она меня устраивает, потому что...

Потому что устраивает. Я в ней самореализуюсь, так сказать. А про «поговорить с Богом», так почему бы просто не отогнать от себя эту идейку? Хорошо, ее не отогнать раз и навсегда, она возвращается, понимаю. И такой умник, как Семенов, наверняка имеет кучу вопросов к Создателю. Да вот беда вся в том, что – и я в это верю, потому что я-то не искатель – не интересно Создателю с нами беседовать. Наши батюшки говорят, что после смерти все получают ответы на все вопросы. Это в них страх говорит. Неизвестно, будут ли ответы, и будет ли у кого спросить, соизволят ли выйти к нам с хлебом-солью. Не исключено, что Большая Красная Кнопка – это просто кнопка выключения питания.

Внутри Семенова наверняка обитает что-то совсем настоящее, не имеющее нужды в словах. Потому и не может он толком выразить, чем так заинтересовал его этот «оператор». Так у всех. Пока Нечто, зародившееся глубоко внутри, всплывает к устам сквозь слои бессознательного, так столько на себя навешает океанского мусора, что из уст уже черт знает что льется, никакого отношения к оригинальному Нечто не имеющее. Так у всех. Говорят, у пробужденных не так, но мы-то с Семеновым просто люди. Нам самим приходится создавать себе смыслы.

Впереди, тем временем, словно рассвет забрезжил, но не красный, а ярко-белый. Нормальный солнечный свет, который я так люблю – и это вовсе не лампа настольная на столе Бога, сидящего у компа, как уверяли какие-то сектанты, кажется – «светочи», ни больше, ни меньше. Большой настоящий свет сначала неловко, потом все напористее, боролся с редкими «колхозниками» на круглых боках метро. Наконец, утлый винтаж отступил, предоставил слово природе, и солнце ворвалось в тоннель, который вдруг раз – и закончился. «Вагнер» выскочил на поляну и встал, причем достаточно резко. Экран, вмонтированный в переднее кресло, показал закрывающиеся за нами широченные створки ворот. Подземная часть похода подошла к концу.

Впереди был лес, слева был лес, и справа тоже был лес, но редкий, просматриваемый насквозь. Мне показалось, что мы вроде как на вершине пригорка, легко поросшего березой. Это было не совсем понятно, потому что, пока мы мчались внутри каменной трубы, никакого подъема не чувствовалось.

Значит, мы не на пригорке, мы на краю обрыва. Я еще раз глянул в экран: сзади скала, как скала, ни шагу назад.

– Семенов, – сказал я, – ты что, мерзавец, спалил не только себя, но еще и выход из секретного тоннеля?

Да какая там секретность, все московские диггеры знают про эти выходы. Вот эти улыбающиеся рожи тоже, наверное, диггеры.

Перед машиной стояли люди. Похожие на серых фермеров без лицензии, мужички числом человек десять... да, ровно десяток, как яиц в магазине, только без прессованной из макулатуры упаковки, стояли полукругом, глядели на нас и улыбались, одетые кто как. Пошлее этого «кто как» могли быть только модные нынче кокошники со светодиодами.

– Я не палил ничего, – угрюмо сказал Семенов, но я не обратил внимания ни на слова, ни на тон.

Вставить-то аналитику все равно требовалось. Ведь похоже было на то, что нас здесь ожидали. Вот хоть зарежьте меня, хоть сотрите с «винчестера», но я точно был уверен, что ждали. Дружелюбно ждали, без дубинок и шокеров, но ведь ждали, засранцы, ждали! Они ждали, что я тоже сейчас выскочу им навстречу с широченной улыбкой от уха до уха, и брошусь на шею вон тому, в центре. Неужто это и есть сам «оператор» Линдер? Да, бородатый, но они все бородатые, эти гуру! Что ни гуру, то бородатое. Ни одного не видал еще бритого. Еще бы, ведь в бороде сила, как у Хоттабыча. Все бородатые, и все улыбаются. Сами серые, а улыбки белые. Это они специально, чтобы понравиться на контрасте, психологи хреновы, щас получите у меня.

– Получишь и ты по ушам за самодеятельность, – пообещал я Семенову, и открыл дверь.

«Вагнер» был высок, с хороший джип, выходить из него было удобно. Именно выходить, а не вылезать. Мне это нравилось, я вообще в последнее время привык к удобствам, гарантированным должностью, и в этой должности не было пресмыкающегося глагола «вылезать». Ловко сойдя с кресла, я ступил на траву одной ногой, потом другой, потом взялся за дверь... нет, не стану закрывать, я что – телохранитель, что ли. Или хлопнуть в сердцах, дабы спужались? Не знаю, чего там вы от меня ждете, смешные серые бородачи, но торопиться я к вам не стану, подержу паузу.

Все еще не глядя на организованную толпу, я обернулся к машине. Семенов из глубины салона глядел на меня странным взглядом, будто видел, кроме меня, еще что-то, как проникающий кот в углу квартиры. Опять нервы заклинило у пацана.

– Что сидишь, – сказал я грубо, – выходи давай...

А потом вдруг осознал, что падаю. Плавно так, словно дерево, которое подрубили, но не до конца. Так эки на лесоповале сносят могучую ель, чтобы выдавать план по валу без лишних усилий. Подрубят, подпилят ровно настолько, чтобы дерево не выдержало, оно и падает. И я так валился, валился, прямо к земле, чтобы ободрали меня, вырвали сучья, погрузили на лесовоз, и в Китай, поднимать коммунистическую экономику. У нас всегда есть что-нибудь упавшее, требующее себя поднять. Попробовал схватиться за дверь машины, но она ускользнула, паршивка, не подставила надежной руки, и чем я ее обидел-то в прошлой жизни, когда был не густым деревом, как сейчас, а большим боссом?

А вот еще один забавный вопрос – почему гаснет свет? Включите, пожалуйста, плохо видно.

Последнее, что я плохо видел, было большое колесо «вагнера». Ух ты, какое большое, серьезное, пуленепробиваемое колесо. Или пробиваемое, не знаю точно. Это казенное колесо, охраняется государством, его пробивать себе дороже.

Не хотите свет включать, да? Сволочи... Да ладно, сам виноват. Не надо было ломиться в закрытую дверь тогда, в тоннеле. Кто ее закрыл? Хотели предупредить? Если тебя куда-то не пускают, то пустят спецназ. А если надо все-таки тебе, то попробуй зайти с тыла, планета круглая. Ох, как же плохо мне, неужто конец?

Глава 5

Если бы меня спросили, почему я не верю в эволюцию человека, я бы ответил примерно так: постепенно развивающееся, наживающее пласты сознания, существо должно все про себя знать. В эволюционирующем существе знание должно накапливаться. Родился человек, и уже знает, как он устроен, как работает его ум, как устроена психика, как жить, и так далее. У такого человек йога была бы встроена внутрь до рождения, еще в маме. Вот самый задрипанный котяра, и тот знает, едва появится на свет, как охотиться, что жрать, от кого держаться подальше, а с кем делать котят. Там конечно бывают сбои в программе: я сам видел, как кот пытался поиметь тапок. Вышло наоборот: вмешался я и поймел кота тапком в морду, восстановил, так сказать, равновесие. Но, в целом, все подпрограммы от рождения встроены в любое живое существо, включая человека – но в нас слишком много багов! Безликая природа бы не ошиблась, будь она в теме. А вот Создатель явно накуролесил. Я прихожу к выводу, что у зверей эволюция есть, а у человека нету.

Сейчас я себя чувствовал, как после аборта. До таких высот наши психологи пока не добрались, а зря, неплохая была бы тема для докторской: «эмоции абортированного плода после возвращения чувства самости». Когда самость вернулась, я попробовал открыть глаза, и они, к сожалению, отворились, как ворота в никуда. Это был явный баг – программистам не стоило давать нам возможность открывать глаза тогда, когда снаружи темно, и все равно ничего не увидишь. Впрочем, почему должно быть светло в эмалированном тазике, куда сбрасывают нас, мелких несчастных абортышей? Интересно, я здесь один такой, или кучку уже накидали... Я попробовал пошевелиться, ощутить или холодный край тазика, или мокренький, тепловатый еще, бочок такого же, как я, бедолаги. Но никаких ощущений не было, и я догадался, что умер.

Одно хорошо, я теперь в Настоящей Реальности. Так говорят наши батюшки – после смерти мы окажемся именно Там, кто в раю, кто в аду. И еще они говорят, что через пять минут после смерти мы будем все про все знать. Полагаю, за этими рассуждениями стоит страх смерти, потому что вовсе не обязательно, чтобы сбылось хотя бы что-то из всех этих предсказаний. Суровое понимание этого жесткого факта все лезет и лезет в мой ум, и я осознаю это ежедневно.

Не факт, что после смерти мы окажемся в Реальности. Не факт, что мы будем все знать. И уж вовсе не факт, что мы будем себя осознавать. Я себя осознаю сейчас, то есть я сейчас есть – но *где* я есть?

Остается лишь одно – ждать. Ждать, а пока слушать ленивые разговоры программеров, которые сняли шлемы и потягивают неостывший еще кофе из кружек с дурацкими надписями. Интересно, о чем бы они могли говорить?

– Помнишь, на четвертом уровне у тебя засада, с волосатиками кто в чем? – слышится голос одного программера.

– Э-э, блин... Эта сцена несколько раз вылетала, мощи не хватает... – другой отхлебывает из чашки.

– Мощи хватает, – перебивает его первый, – там у тебя просто косяк с распределением ресурсов. Там нужно было разрешить выгрузку в виртуальную память, будет медленнее, но все выживут, а сейчас у тебя зависло, и ядро решило, что зависшие не нужны, и всех скинуло, чтобы остальные выжили.

Это я завис, и меня скинули, понятное дело. На меня не хватило ресурсов. Тогда почему все так странно, почему я все еще себя ощущаю, ведь если бы меня стерли, то я бы просто стерся, и все. Или у них банк сущностей, который они берегут? Может, генерация сущности, как рендеринг, требует много ресурсов, и они нас не стирают, а скидывают на флешку и потом восстанавливают.

А еще такую флешку можно подарить другу на день рождения:

– Дарова, братан, с днюхой, всего тебе самого и даже больше. На вот, держи того перца, которого ты у меня просил давеча, пусть у тебя побегает в «Тайне семи ключей». Держи, держи, для тебя не жалко. И пузырь держи! Короче, наливай давай, а то уйду.

Литровый пузырь хорошего коньяка и флэшка со мной – чем не подарок? Наверняка так и происходит Там, иначе откуда у меня подобные мысли. Попробовать бы того коньячку, наверняка вещь стоящая, программеры хорошо зарабатывают. Рабы, проводящие лучшую часть жизни перед экранами компьютеров, на галерах нашей эпохи, должны хорошо оплачиваться и Там. Галеры, они такие, они не знали раньше, и не знают сейчас пощады, они забирают все, оставляя на прощание лишь деньги на тумбочке.

Голоса программеров смолкли. Я прислушался, не булькнет ли у кого кофе в горле, не скрипнет ли кресло под кем, не чихнет ли труженик клавиатуры, слегка простуженный ветродувом процессора. Но вокруг установилась невероятная тишина, и я понял, что попал в безвременье. Именно так наши физики описывают вечность – как отсутствие времени. Очень интересно, каковы существа в такой реальности, где нет времени. Может, они совсем не похожи на нас, а то, что в земной жизни нас поместили в тела наследников приматов – просто шутка, не более.

– Как вы, Сергей Савельевич? – спросил Семенов.

– Никак, – сказал я, – вот, слушаю голоса программистов. Молчат, работают, наверно... Кажется, меня скинули на флешку, и я пошел добавкою к бутылке доброй конины. О, ну и слэнг прорезался, прям как в бухие годы студенчества...

– Это невозможно, – расхохотался Семенов, – невозможно слышать голоса программистов, потому что их не существует, голосов этих, Сергей Савельевич.

– Не существует меня, – сказал я зачем-то, и прищурился, потому что неожиданно дали свет.

Сволочи, сатрапы, творят, что хотят. Наверное, так выглядит перезагрузка. То тьма, то свет, то ты есть, то тебя нет. Теперь я снова есть, вот.

Свет пробивался сквозь веки, нестерпимо обжигая глазные нервы. Я попробовал поднести к лицу ладонь, укрыться от слепящих лучей. Кто-то аккуратно взял меня за руку, я почувствовал чужое тепло.

– Не надо, – произнес вежливый голос, – вам пока не надо двигаться, давление скакнет.

И мою руку положили обратно, ко мне на грудь. Обе руки теперь были сложены на груди, я это осознавал. Как у покойничка сложены, не иначе. Буду третьим, кого я встречал после их смерти.

Тем не менее, они явно прикрутили свет, потому что стало не так больно в глазах. Воистину, сам о себе не позаботишься, никто о тебе не позаботится.

– Семенов, – сказал я, – включи меня, я уже загрузился. Там где-то должна быть кнопка, или рубильник...

Никто не ответил, тогда я попробовал открыть глаза и, к счастью, не получилось. Зачем, все равно Там будет вместо неба потолок. Белый, чертовски обыкновенный, банальный до пошлости потолок больницы, и такие же белые двери. Валя, Валентина, что с тобой теперь...

А вдруг, если я открою глаза, надо мной будет рожа осла с ушами, как в «Бременских музыкантах»? Тогда уж пусть лучше белый потолок.

Я все-таки открыл глаза. Потолок. Белый. Высокий.

– А где осел? – спросил я.

Осел обязательно должен быть. Если осла не будет, то выходит, что это я осел. Рядом со мной кто-то пошевелился, словно мой простой вопрос не вовремя привел в действие жизненные соки индивидуума, не расположенного обсуждать тему ослводства. В этом шевелении, равно как и в легком потрескивании стула под чьим-то задом, звучало недоумение.

– Какой осел? – и впрямь недоумевающим тоном спросил этот кто-то.

– Семенов, – пояснил я, хотя совсем не думал так о Семенове.

Я же помню, что пару минут назад Семенов что-то говорил мне о программистах, так что пусть насладится тонким юмором любимого начальника.

– Семенова здесь нет, – как-то тяжело произнес голос.

Что ж, нет, так нет. Ни осла, ни Семенова.

– А кто есть? – нагло спросил я.

Начальник, похоже, просыпался во мне, и требовал прежнего отношения, по крайней мере – прежнего уровня информированности. Ответа не последовало, зато снова скрипнуло кресло под тем же немалым задом.

– Весьма забавляет, – сказал я, – когда в пространство между сомнением и недоумением вклинивается чья-то задница.

– Не по-онял... – протянул голос.

Похоже, я задал-таки ему задачку.

– Я спрашивал: где я и кто вы, – сказал я.

Очень захотелось повернуть в сторону голоса голову, что я и сделал. Как ни странно, это вышло легко. Голова словно ждала возможности опробовать былую свободу, побаловать себя движением. Это было приятно, вновь осознать свои возможности. И глаза тоже на этот раз открылись.

На стульчике возле меня, лежащего, скорее всего, на кровати, сидел человечек в стандартном медицинском облачении: халат, опущенная ниже рта маска. Брюнет с сединой, не молод, чуть старше меня, приятная легкая небрежность в бритье словно говорила «я врач, а не фотомодель». Меня поразила несуразность пропорций: большая голова с черными очками, и очень узкие острые плечи. Он, наверное, даже голову толком не может наклонить, в отличие от меня, лежащего. Она у него оторвется от шеи, свалится, грузно ухнет на пол и покатится, как нелепый медицинский мяч с песком, медбол. Наверное, совсем пьяный программист сочинял такой образ, перепил пива и заделал мне такого нелепого доктора. У них Там иногда отсутствует чувство вкуса, я это не раз подмечал.

Доктор смотрел на меня испуганными глазами, словно я монстр из глубин галактики, а не чиновник высокого разряда. Умные, но испуганные, глаза – это удивительное сочетание. Словно исследователь, фанат микроскопа и скальпеля, натывается на нечто совсем неожиданное, например, внутри исследуемого метеорита находит записку от жены с перечнем продуктов, которые надо купить. Что, у меня на лбу тоже перечень, «четыре морковки и большая капуста-голова, только не такая, как в прошлый раз»?

Доктор, или кто он там, снова пошевелился, скрипнув кормой, как старый баркас. Дернул плечами, едва не уронив свою забавную голову, потом приподнял руку, словно собирался перекреститься, потом опустил – правильно, молодец, нечего тут пугаться, я не монстр, я просто большой начальник – шумно выдохнул, и сказал:

– Вы в госпитале второго управления, Сергей Савельевич, у нас с вами уже все хорошо.

Потом с ним случилась пауза. Видать, не все было у них хорошо с самими собой. Меня это не особенно впечатлило, потому что мой ранг, как чиновника, был куда выше, чем у обычного доктора.

– А зачем я в госпитале? – спросил я.

У него не было права не ответить. Только серьезная государственная необходимость могла дать ему такое право, но вряд ли таковая сейчас имелась в наличии. Он вытер со лба незамеченный мною ранее пот, снова вздохнул, и грустно молвил:

– Вы три недели в коме были, после аварии вашего «вагнера» в тоннеле.

Это было ни о чем, просто слова. В нашем мире все – просто слова, байты. Более того, есть такая теория «банки с мозгами», утверждающая, что человек – это банка с мозгами. К

банке подведены электроды, создающие эффект восприятия мира, но мира на самом деле никакого нет.

– Привет вашей банке с мозгами от нашей, – сказал я.

– Привет, – рассеянно отозвался врач.

– Как растворчик сегодня, не холодит? – вежливо спросил я, – а может, вам пора в формалин, дружище?

Врач пожал своими узкими плечами, но голова не упала.

– Может и пора, – сказал он и усмехнулся.

В этом была и самоирония, и легкое сомнение – может, и на самом деле пора. Мне определенно нравился этот человек, потому что я на его месте вел бы себя так же. Я решил, что могу спрашивать дальше.

– А что Семенов? – спросил я.

На лице врача нарисовался легкий испуг, его словно дернуло током. Он взглянул на меня с сомнением – человек ли это лежит на кровати, есть ли у него уши, способен ли он воспринимать речь? Похоже, мой вид внушил ему кое-какую уверенность, или же он просто знал, что не имеет права мне не ответить.

– Семенов погиб, Сергей Савельевич, – сказал врач, и потянулся ко мне, вдруг я сейчас начну умирать от горя.

Глава 6

Мы до сих пор не поняли, что такое гроза: муха ли гадит на микросхему, или еще какая-нибудь неполадка. Но может быть, что гроза – это именно гроза, специально написанная сцена, чья-то дипломная работа Там. О не столь ценных своей эстетикой, как гроза, происшествиях мы знаем еще меньше.

Вот такие в жизни случаются пироги, товарищи. «Вагнер» сдулся, скукожился, сплюснулся под тяжестью мегатонн осевшего грунта, как резиновый утенок, а не бронетитановая игрушка для сытых госслужащих. Спасла конструкция тоннеля, укрепленного достаточно большими плитами, которые, обрушиваясь, образовали пустоты. Семенов, похоже, выволок меня из машины, или я его выволок, этого определить не смогли, да это уже и не важно. Обнаружили меня в трех сотнях метров от бывшего «вагнера», на относительно живой площадке под плитами, а Семенова не обнаружили. Может, ничего от Семенова и не осталось, а может, и найдут что-нибудь, потому что в том районе еще разгребают, укрепляют, выясняют причины, и так далее. Короче говоря – функционируют. В таких случаях все функционируют, это помогает. Создатели, Те парни Оттуда, запрограммировали нас таким образом, что мы либо чувствуем, либо думаем, либо действуем. Функционирование – это суррогат действия, применяемый тогда, когда чувствовать запрещено, а думать не получается.

Я тоже снова функционирую. Валялся в коме, бредил боролатыми мужиками, говорят, что старался выжить. «Старался» – это значит, выслушивал речи, вроде «ты уж держись, дружище», и «все будет хорошо». Потом, когда начал лучше слышать, видеть и разговаривать, все пытался определить по голосам врачей, кто из них что мне говорил, а иногда прямо спрашивал:

– Петрович, это ты мне вещал «ну-ка, Сережа, поверни головушку, дорогой», и потом что-то всаживал в шею?

– Не, – ржал добродушный Петрович, – это точно не я был, стал бы я еще спрашивать!

Ну да, Петрович точно не стал бы миндальничать, засадил бы со всем своим добродушием, игла бы с другой стороны шеи вышла. Он ведь тоже старался, все старались, не только я. Петрович, большой, хронически небритый, хриплый, внешне буканьер, а не врач, стал моим ангелом спасителем. Наверное, врачи чувствуют, кого можно просто оставить на роботов, а с кем нужно нянчиться самому. Я был нелегкий случай, потому что вдобавок к несущественным физическим повреждениям у меня была дыра в душе.

«Резерваторы» утверждают, что есть возможность в случае серьезных повреждений скачать резервную копию персонажа. Будешь новый, точнее – старый, ты, со вчерашним телом и вчерашней душой. Эти ребята даже исследования какие-то ведут, все пытаются получить доступ к бэкапам, да только ни у кого пока еще это не получилось, хоть они и утверждают обратное, время от времени являя публике очередного бэкапнутого, якобы восстановленного из хранилища. Я видел таких пару раз – обычные психи. Не знаю, откуда там их восстанавливают, но что во время этой процедуры что-то сбоят – к гадалке не ходи.

Меня пытались просто лечить, без эзотерики, но что-то у них не заладилось, и причина была не в них. После гибели Семенова жизнь потекла иначе. Да, я старался, старался, очень старался, но что-то не отпускало душу, потому что была во мне твердая уверенность, что все происходящее, так называемая жизнь, имеет куда больший смысл, нежели насквозь фальшивое виртуальное бытие компьютерных человечков, всяких там прыгающих, как обезьяна, принцев, озабоченного Ларри и прочих Марио. Будто нам хотят что-то сказать происходящим.

– Когда тебе на голову падает потолок, – сказал опер Дима Холодный, – тебе хотят сказать, что тебя больше не хотят.

Опера сразу почувствовали себя виноватыми Мы много раз обсудили произошедшее и с ними, и с ФСБ, и с другим серьезным народом. Злого умысла не обнаружено – точка. Метро на

голову само упало, бывает. Но опера все равно чувствовали себя виноватыми, это у них драйв такой, мотивация, морковка сзади. Они у меня все перебивали, кто с апельсинами, кто без – этим особое спасибо, и все обещали, что будут беречь меня, как своего ребенка.

Пришлось поставить свою подпись под циркуляром, запрещающим руководителям моего ранга «выходы в поле». Это меня заставили сделать еще в госпитале. Пришел специальный человек и выудил из меня видеоподпись. Это навсегда, от своей физиономии не отвертеться. Вдобавок мне посулили, что когда введут способ контроля биокода со спутника – обещали вот-вот – любое мое подпрыгивание будет расценено, как провокация. Слишком ценный я кадр, чтобы мною разбрасываться.

Будь я человеком попроще, ввели бы маркер в ДНК, и кирдык, турнекет в метро не проскочишь, но чинушам моего, весьма высокого, ранга такое не делали.

Наконец, пришел день, когда меня выселили из госпиталя, и я приступил к работе. Теперь я был в полном смысле «невыездной». Умеренным бытовым авантюризмом мне пришлось заняться внутри конторы. Так, бар с электрическим барменом я велел снабдить алкоголем, а потом вообще дал волю молодому программисту стажеру. Теперь вместо пожелания приятного аппетита робариста вопил:

– Приятной ипотеки!

Молодежь веселилась, а дежурный механик захотел перевестись в гасители.

Еще я ввел во всех роботов, включая стиральную машину, функцию легкого стукачества, разрешил персоналу устраивать на крыше корпоративы, и по причине неожиданно прорезавшегося уважения к природным катаклизмам заменил все «вагнеры» на отечественные «толба-чики».

Возникала ли у меня мысль бросить службу? Не было таковой, ни разу, правда. Во-первых, потому, что люди у нас уже погибали, бывало всякое. А во-вторых... во-вторых, я никому, кроме жены родной, не рассказал об одной дурацкой мыслишке, посетившей меня в больничном бреду.

Я почему-то уверовал, что в кармане одного, мне пока не известного, чудака... нет, Чудака, Они ж все у нас с большой буквы, и даже иногда в федеральной прессе такое лизоблюдство проскакивает... в кармане неизвестного Чудака вполне может лежать флешка с надписью «Семенов».

Глава 7

Жили мы уже не в той нашей квартире, что была до публичного признания Доказательства Харитонова. Сейчас финансы позволяли жить куда шире, в новеньком доме за городом, со своим садом и охраной. Но жена как и прежде ожидала моего прихода с работы. Это было то, что мы взяли с собой в новую жизнь.

Ворота отворились, машина въехала во двор. Там, на широкой стоянке, уже был припаркован автомобиль моего сегодняшнего гостя, с которым мы договорились встретиться. Вот и прекрасно, можно сказать, что теперь все дома.

Слава Богу, у меня был хороший архитектор. Дом встречал широкой лестницей, мне даже говорили, что она слишком широка, но архитектор настоял на своем и сейчас я был ему благодарен. При виде этой лестницы у меня душа распускалась каждый Божий вечер, ведь было видно, что дом меня ждет. Я возвращаюсь каждый вечер в семью не ночь переспать, как те, что живут на работе. Я живу двадцать четыре часа в сутки, и на работе, и дома. По сравнению с миллиардами сопланетников я счастлив. Вот как-то так.

Непривычные для наших мест кипарисы, карликовый эвкалипт, рододендроны и северная пальма определяли пространство у дома. Не будь я тем, кем являюсь, был бы садовником. Друзья, занимающиеся растениями, хотят вскоре выпустить на рынок адаптированный мексиканский кактус, я уже взял обещание, что первые экземпляры будут мои. Наверное, мне, да и нам всем, не хватает дикости, недостает прямоты жизни. Так и мечемся, между запросами интеллекта, требующего своего применения в социальной жизни, и позывами души, тихо просящейся домой, в первобытность.

– Сергей Савельевич, вас завтра как обычно забрать? – спросил мой водитель.

Вот, обязали завести водителя. Он и раньше как бы был, но теперь уж прямо совсем «есть», никуда без него. Я их, верхних товарищей из кабинетов с традиционными коврами и телефонами из слоновой кости, понимаю, в принципе, ибо ответственность высока.

– Как обычно, Володя, – подтвердил я.

– До свидания, Сергей Савельевич, – вежливо сказал Володя.

– До завтра, – кивнул я ему столь же вежливо, и махнул на прощанье рукой.

Хороший преданный парень, словно адъютант из старых книжек. Адъютант, не аналитик, но тоже нужная должность. Я знаю, у него всегда при себе пистолет. Если начнет рушиться свод метро у меня над головой, Володя его пристрелит, не задумываясь.

Жена и дети, сын и его старшая сестра, были внутри, несмотря на необычную для этой поры жару. Очень было жарко, ну просто очень. Еще несколько лет назад я бы подумал, что это мы, люди, устроили парниковый эффект, озоновую дыру и вообще потепление, а сейчас могу сказать, например, что Где-то Там перегрелся сервер, или памяти не хватает – и могу оказаться прав. Прав!

Могу сказать, что:

– мы спецназовцы внутри тренажера

– мы загипнотизированные люди из коммунистического будущего, которым показывают все дерьмо капитализма

– нас здесь готовят к дерьму поддельного коммунизма, который вполне может оказаться не Городом Солнца

– в будущем полная засада, и мы отдыхаем в виртуальном мире, потому что в реальности уже даже травы не осталось зеленой

– мы космонавты, лежащие в анабиозе, а корабль на всех парах мчится к Альфе Центавра

– мы сон сумасшедшего ученого

– у каждого из нас есть оператор в шлеме

- никаких операторов ни у кого из нас не существует
- оператор всего один
- операторов больше, чем песчинок на пляже
- когда мы спим, нас бэкапят, то есть делают резервную копию
- или не бэкапят, вообще никогда
- нет, все-таки где-то есть старая версия меня, которую используют, если полетит сервер
- кто-то постоянно мониторит мои мысли
- никому мои мысли не интересны.

И так далее, по числу хоть звезд на небе, хоть сект на Земле. Могу сказать что угодно – и есть шанс, что буду прав. Ежегодно с ума сходит статистически значимая часть населения, и это уже не государственная тайна. Если мир именно таков, то все дозволено? Это я про Федора Михайловича, и его «если Бога нет, то все дозволено».

Если мир не настоящий – то все дозволено. Как вам такая версия?

Жарко. И в конторе жарко, и на улице. Наш звездолет пролетает мимо особо горячей звезды. Надеюсь, капсулы для гиперсна достаточно надежны.

Узнав меня, дверь отворилась молча. Не люблю эти дурацкие «рада вас видеть, хозяин». Многие делают хорошие деньги на тюнинге домашнего интеллекта, на его подстройке к обитателям и гостям жилища. На мне бы они разорились, я ретроград. Роботы со мною почти всегда молчат. Двери, чайники, коврики, полотенца, рубашки – все немые, как рыбы. Никто не вопит на весь интернет из стиральной машины, что порошок закончился. Впрочем, химический порошок у нас в Подмоскovie тоже запрещен.

В нашем доме весьма удачно сошлись два мира: мой внутренний и внешний, обозначенный границей города и Подмоскovie. Мой мир устал от технических излишеств, а заповедное Подмоскovie требует снижения технофона до уровня каменного века. Я, лицемерно вздыхая, сдаюсь этим требованиям – надо, так надо – и, щедро размахнувшись, отправляю в помойку все многообразие гаджетов, оставляя минимум для комфорта.

Вот, двери оставил, это удобно. А интеллектуальный уют выбросил, теперь сам договариваюсь с рубашкой, какую температуру выставить при глажке.

Дети, слава Богу, растут у меня в суровом стоическом пренебрежении к нынешней технике. У сына есть пони, маленькая брыкастая тварь, у дочки вообще целый зверинец: кролики, пауки, змеи. Да-да, настоящие змеи, и дочь вообще заявила, что станет герпетологом, когда совсем вырастет. Зная ее характер, могу не сомневаться, что станет. У жены замечательный сад и настоящий огород с помидорами и прочим съестным, так что пластиком мы не питаемся.

А у Василия Ильича, Васеньки, который звонил сегодня и сейчас ожидает меня сейчас в качестве гостя, так у того вообще полный запрет на «гаги», сиречь, «гаджетопоподобные гадо-сти». Потому что он серьезный дядька из самого ГРУ, и у него полно в подчинении народа, который берет на себя технократическую часть заботы о Родине, оставляя Василию Ильичу чистый труд светлого разума.

Я поднялся по ступеням широченной своей лестницы, прошел в холл и увидел одиноко сидящего Васеньку. Он расположился в любимом своем уголке, который всегда занимал. У меня там домашняя пальмочка в кадке, небольшой столик подле нее и два диванчика белой кожи, один напротив другого. На столике был выставлен чайник, посуда всякая мелкая, и варенье от своих яблонь. Ясное дело, жена встретила моего старого друга, усадила в его законный угол и вежливо ретировалась. Мужчины разговоры говорить будут за государевы дела. Поговорить было о чем, потому что не говорили мы еще с Васенькой толком после гибели моего аналитика Семенова. Меня совсем затрепали, да и у Василия Ильича служба не самая простая.

Господи, как же я рад возвращаться домой, прямо расплываюсь весь от умиления!

– Здорово, Ильич! – сказал я, подходя к Васке.

Тот привстал – ах, вот оно, гусарское воспитание – поприветствовал меня поклоном и рукопожатием, а потом мы обнялись и позволили себе рассмеяться. Мы знакомы лет пять, с начала моей карьеры в новой жизни. Василий отличный мужик, умный, спокойный, я всегда рад его видеть.

– Здорово, диггер, – ответил Василий Ильич Рязанов, и похлопал меня по спине, – ну, как ты, Сережа? Изольешь?

Говорят, только хамы на вопрос «как дела» начинают долго и тщательно рассказывать, как у них дела. Это был как раз тот самый случай. Я умею быть хамом, когда от меня этого ждет старый товарищ, полковник ГРУ по совместительству.

– Сейчас изолью, – пообещал я.

Надо, надо было излить душу Василию, кому же еще, как не ему. Что-то и жене можно было излить, но только в рамках, дабы не тревожилась особенно. А Рязанову можно было без рамок, с безжалостным кавалерийским размахом. Ему чем безрамочнее, тем точнее. А свои, ведомственные, рамки он потом сам расставит. Их там учили рамки расставлять, я точно знаю.

– Тогда сначала чайку вашего знаменитого, – пожелал старый друг.

– Может, чего покрепче? – спросил я, – есть и другие напитки, в бутылках крепкого стекла.

– Стекло бутылки крепче черепа, – сказал Вася, и пояснил, – «что покрепче» отбивает мысль. Знаешь, это такие штучки, в черепе водятся.

Да знаю я, знаю, что у тебя в черепе. Будь у тебя там что другое, тебя бы сейчас здесь не было.

У меня был свой иван-чай, на который многие слетались. Мы тут целые чайные вечера устраивали, похлеще офицерских собраний в прежние времена, разве что дамы наши без бальных платьев по причине изменения моды.

– Бери, Вася, – сказал я, угощая товарища, и себя не забыв.

Это были слова именно для себя, потому что Вася и так уже давно взял, за ним не заржавеет. Скромность в их конторе не приветствовалась, а если скромник и попадался, то очень быстро его перековывали во что-то более приличествующее имиджу и сути заведения.

Слегка промочив горло, можно было приступать. Василий не слишком сентиментален, и даже если визит бывал дружеским, все равно мы говорили и о делах.

– Ну, надеюсь, ты уже оклемался, – констатировал Василий таким тоном, что не возражишь.

– А что, есть выбор? – попробовал я барахтаться.

– Что еще за выбор? – удивился Василий.

Он был из династии, что служила России больше ста пятидесяти лет, а то и все триста. В их домашнем тезаурусе не было слова «выбор».

– Ну, вдруг процентовочка там распаталась... – протянул я.

Это была наша старая с ним игра, вроде как он государев человек, а я разгильдяй, которому лишь бы не работать.

– Держится процентовочка, – сказал Василий.

Девяносто четыре процента людей, населяющих эту планету, утверждают, что они всегда знали о том, что наш мир является виртуальным. Вот такие пироги... Психологи объяснили это тем, что в людях защита сработала. Мы-то думали, что пойдут революции, склады с едой и тряпьем вынесут, все переспят со всем, что движется, и так далее. Ну да, побеспрдельничали малость – но не до жути. Правительства армию ввели в города – а люди вдруг заявили, если верить опросам, что и так все это знали, и без вашего Харитонова. То ли эта самая «защита» была предписана Свыше, как часть программного кода, то ли мы и впрямь такие пассивные, но почти у всех сработало.

А у примерно шести процентов психология не сработала. Именно из этих процентов мой контингент наиболее активных. И если раньше он был стабилен, этот процент, то нынче потихоньку растет. Говорят, что если подрастет до десяти, то вот тогда и пойдет плясать губерния. Тогда пиши караул, не удержим население от веселья. А веселиться они умеют, стволов на руках миллионы и миллионы. Но нам, государевым людям, нам ведь все равно, живые мы или цифровые, наша профессия – Родину защищать. И пока процентовочку мы держим в рамках. Мы с Васей товарищи по оружию.

– Может, по оружию чего не так... – вроде как вслух подумал я.

Тема оружия была важной. Рассказывали, что ожидается много всего интересенького, например, плазменные боеголовки. Суть была в том, что гиперзвуковая болванка, подлетая к цели, начинала тормозить, превращая воздух вокруг себя в плазму, с температуркой всего-то в районе двадцати тысяч градусов. И этот шарик нежно обрушивался на цель, испаряя металл, как воск. Бронетитан испарялся, не говоря уж о более мирных деталях конструкции. Ой, простите, конечно же не «испарялся», а «будет испаряться», когда все это дело изобретут. А еще изобретут темпоральные боеприпасы, там суть в создании сферической области, небольшой, с пару метров диаметром, на краях которой время будет отставать от времени в центре на пару септосекунд. Всего-то на такой крохотный квант времени, совсем незаметный, но достаточный для того, чтобы сгенерировать «волну Шеховцева», которая, в свою очередь, распространится метров на двести-триста. И все, что попадет в эту зону, подвергнется темпоральному смещению. На левой гусенице танка будет одно время, а на правой плюс триста лет, со всеми вытекающими. Говорят, танки будут ржать на скаку и рассыпаться, как трухлявые пни. Конечно, все это будет, когда изобретут.

Антигравы на подходе, а с ними примерно то же, что с темпоральными штучками. Малейшая разбалансировка гравитационной системы – и территория проваливается в тартарары, потому что планета-то крутится и летит, а ваш танк остается на месте, в зоне гравимолчания.

Отслеживать оружейную активность среди сектантов было одной из задач моей конторы. Я знал, что во многом дублировался смежниками из ГРУ и ФСБ, и считал это правильным. Тем более, что мы вполне официально обменивались информацией в рабочее время, а чем-то и потом делились, под иван-чай.

– Часовые на посту, – успокоил меня Василий насчет оружия.

– И мои на посту, – сказал я.

Вася удовлетворенно кивнул, мол, он и не сомневался, что службу я бдил, бдю и впредь буду бдить тщательно.

– Теперь давай про Линдера, – быстро продолжил Василий.

Я понял, что мои докладные по происшествию Василий уже изучил. Теперь он погонит быстро, в галоп. Чтобы собраться с мыслями, мне пришлось не менее быстро парировать:

– Нет, это ты мне давай про Линдера. Я ведь имею право знать, почему все это произошло именно тогда, когда мы к нему отправились. И вообще, это что – наше земное творчество, или «вмешак»?

Этим некрасивым словом мы именовали вмешательство Свыше, потому что была такая версия – Оператор иногда напрямую вмешивается в ход игры, так скажем. Когда Он это делает, и для чего, такие вопросы не имеют смысла, потому что мы не знаем Их логики, или чем Там Они руководствуются. Отслеживать «вмешаки» мы пока не научились, а может, и не научимся, потому что на самом деле «вмешаков» не бывает. Я же сказал – версия...

– Если ты помнишь, – сказал я, – то моя задача – отслеживать и классифицировать, у меня контрразведки, считай, нету.

Василий пожевал губами, прицениваясь к моему откровенному высказыванию – съедобно, не съедобно.

– Нету у тебя контрразведки, – согласился он наконец, будто не знал сего факта, и только сейчас об этом задумался, и добавил, – не думаю, что «вмешак». Но ты же сам понимаешь, критерии вмешательства нам не будут никогда известны. Это дело философов и конспирологов – кормить прессу гипотезами, а наше дело – работать.

Вася сказал это торжественно, слишком торжественно. У него был всего один недостаток – Василий Ильич иногда срывался в пафос, но старому служаке это шло, как аксельбант шел к хорошему мундиру на балу у государя императора. Зная все это, я просто молчал, переживая приступ парадности, и рано или поздно Василий возвращался в искреннюю простоту, которая ему тоже шла.

Тем не менее, после собственных пафосных слов осталось у Василия Ильича на губах послевкусие. Это следовало компенсировать иван-чаем, что Вася и сделал, а потом сказал:

– Ты прости, я тут немного... как сказать... как на партсобрании, что ли. Тебе, может, еще и работать-то толком нельзя, Сереж, а я напрягаю.

Самобичевание внутри Василия следовало пресекать сразу. Не то, чтобы оно было для него вредным, оно было вообще не его, не смотрелось оно внутри психически здорового «грушника». Я научился различать в людях маску, а Василий не научился вовремя ее снимать, общаясь со мной. Меня такая неискренность разочаровывала одно время, а потом я стал позволять себе нагло ее срывать по ходу пьесы. А сейчас вот не понял, то ли он на самом деле сочувствует, то ли играет. Ох уж эта профессиональная деформация...

– Можно мне работать, можно, – успокоил я друга, – я вообще полагаю, что отдохнул там, в коме, как они это называли. Если это вообще была кома. Знаешь, проходил у меня не то, чтобы гуру, так... «недогурок», утверждавший, что весь этот мир – чья-то кома.

Василий усмехнулся. Видать, бывали и у него философские мыслишки в гостях, как же иначе.

– Да уж, – сказал он, – тут некоторые товарищи, вроде Будды, утверждали, что не могут разобраться, сон ли это бабочки про то, что она человек, или наоборот, а оказывается – что это вообще кома, причем непонятно чья. Или это не Будда утверждал...

– Не помню, кто это утверждал, – сказал я, – помню только, что когда валялся в госпитале, грезились мне приключения. Будто встретился я этим самым Линдером после выхода из тоннеля на краю Москвы, а потом меня тук по головушке, и все.

Содержимое своего коматозного бреда я в объяснительных уже описывал, но никто им не заинтересовался. Василий пошевелился на своем диванчике, повеселел.

– О, – сказал он, – так ты, можно сказать, в кино был, пока все думали, что ты одной ногой Где-то Там. А ты в это время развлекался, можно сказать. Ты хоть начальству не говори, а то в отпуск в этом году не пойдешь. Впрочем, какое еще у тебя начальство...

Увидав, что мой рассказ вызывает у товарища симпатию, я решил продолжать, чтобы Василию было приятно.

– Именно так, – сказал я, – именно в кино я и был. Фильм называется «Бред в больнице после удара каменным сводом по голове». Видел там, как мчался в «вагнере» сначала по ведомственному, потому по «метро два», потом выскочил из тоннеля, встретил бородатых бородачей, получил по голове и очнулся в больнице.

Вот странные они, ребята из Главного разведуправления. Я думал, все странные у меня в конторе собрались, Большой Каталог наполнять, ан нет, некоторых загребла к себе военная разведка. Васенька вострепнулся, словно чего почуял, да как спросит, прищурившись:

– Сережа, а подробнее можешь, и не с начала, а с конца? Например, как вы там встретились, и почему ты решил, что это Линдер там был?

Я дух перевел от такого прищура Ильича, и говорю:

– Линдера я видел на голограмме, Семенов показывал, так что сей светлый образ уже был у меня в голове, а перед этим мы выехали из тоннеля... знаешь, я там раньше не выезжал, это

уже чисто фантазии мои были больные. Красивое такое место, сзади вроде как скала, вокруг лесной массив... и, причем, это вроде как на горке, потому что справа вид открывался будто сверху вниз смотришь... поля всякие... вот не помню, коровки были... или не было... пасторально так, вполне буколически... гобелен «Пастушок и пастушка». А потом стадо бородатых мужиков, прямо перед «вагнером», то ли попы, то ли хиппи.

Василий, пока меня слушал, кивал и головой, и ботинком, мол, весь тебя слушаю, всем туловищем. Когда я остановился, Василий показал пальцем – помолчи, Чапай вспоминать будет. Ну, я замолчал. Василий, было видно, напрягся. По лицу его пролегла тень, лоб наморщился, глаза закрылись наполовину. Я подумал, что если ему надо будет кого отчитать, то он такое лицо сделает, что человек умрет, так мне не по себе стало от его изменившегося лица. Да, таким товарищам в офисных коробочках не сидеть, таким кабинет нужен, чтобы сотрудники не перемерли от одного только счастья созерцания начальства в момент полета мысли куда-то внутрь. Впрочем, про его контору и так всякое говорят, можно верить, можно не верить, но одно ясно – правила там не писаны.

Подумав, Василий открыл глаза, распрямил лоб и подался весь вперед, будто прыгнул.

– Такое место есть, – сказал он, – ты даже мог его видеть... нет, ты не мог его видеть, тебе не положено, у тебя допуск не тот. Эти выходы пересчитаны, Сережа, и один из них ты описал весьма точно. Я, когда этим выходом выходил, тоже про пастушек думал. И не утверждай, что я всегда про них думаю.

Я пожал плечами, мол, я и не утверждал. Мало ли, про кого ты всегда думаешь, про пастушек там, или про пловчих брасом, или про фигуристок, мне все равно. А вот про выход...

Я вдруг ощутил, что потею, но Василий не дал мне просохнуть. Он вытащил телефон из кармана и сказал, словно приказывая:

– Ну-ка, вруби проектор.

Потом увидел, что пульт перед нами, на столике, взял, сам нажал. Экран, большой, дорогой, засветился на белой стене. Василий пощелкал по телефону.

– Ну-ка, ну-ка, дай-ка мне спутничек, – попросил он телефон.

Вася имел доступ по всему околоземному балагану, это ему понятно.

– Какого это у нас было... девятнадцатого, да... – пробурчал Вася.

– А вы что, всю планету пишете? – поинтересовался я.

Если он скажет «да», я не удивлюсь. А Вася моему вопросу не удивился.

– Не всю, – отмахнулся он, – но выходы из «метро два» пишем, не сомневайся, и храним долго. Вот, подрубился. Сейчас дадим поиск движения, чтобы весь день не листать.

Он откинулся назад, подергался, угнездился так, словно от его позы зависело качество восприятия картинки, показал мне – смотри вон туда, как я смотрю. Раньше было «делай, как я», а нынче «смотри, как я», и никого это не удивляет.

На экране был вид сверху. Картинка слегка плыла, ракурс менялся синхронно с движением спутника. Сначала выход из скалы был совсем под камерой, потом стало видно немного спереди, потом картинка дернулась и снова стало видно сверху. Наверно, сменился спутник, передава объект другому. Это не проблема, даже у гражданских служб нынче тысячи спутников.

И вот, на экране началось движение. Было видно, что из леса вышли несколько... раз... два...десять человек.

– Морды! – заскулил я, холодея, – морды дай, морды!

Василий сказал, не оборачиваясь:

– Хочешь бороды рассмотреть? Извини, мы же сверху глядим. Только лысины, Сержик, только плеши. Ну-ка, ускоримся...

Они там ускорились по команде Василия, потому что заколыхались, как тростник на ветру, но не слишком. Дисциплинированные, черти, как встали, так и стояли.

А у меня в душе тем временем такое творилось! Я был уверен в том, что сейчас на эту толпу вылетит из скалы «вагнер». Они там стояли, чертовы тростинки, размахивали своими гнусными бородами на ведьмаковском первомое, зазывая: «Прииди, «вагнер», прииди!». Те, что на самом деле имели сверкающие лысины, казались сверху нулями, а другие – просто точками. Это было бы в другой ситуации смешно. Они долго стояли, как честные менты в ожидании демонстрантов. Потом все почти замерло, потому что Вася дал нормальную скорость. Праздник волосатости сменился трауром неподвижности. И что же дальше? Вася на меня так посмотрел, что я понял – он тоже ждет.

Но мы с ним ждали напрасно. Там, на картинке со спутника, мы с Семеновым не приехали. Не вылетели из скалы, не свалились с неба, не вынырнули из портала, сверкая ионными разрядами и пуская туман. Сероватые попки потоптались еще немного, потом помахали небесам бородами и канули в лес.

– Чертовщина! – сказал Василий, вырубая картинку, – чертовщина, даже для нашего мира! Долбаного, проклятого, дебильного мира, мать его! Господи, что у вас Где-то Там с головой!?

Что, Вася, чертовщина – то, что нас все-таки не было на поляне? Вот уж странная реакция, брат. Появись мы с Семеновым, да тукни меня кто по головушке, это чертовщиной бы не было, это было бы «ай, молодца». А так, как сейчас – чертовщина. У меня не было слов, совсем никаких. Я стоял перед своим большим экраном, глупо улыбался и ни о чем не думал. Кажется, это и называется милым термином «вынос мозга». Интересно, и где я сейчас очнусь, снова в больничке?

Глава 8

Предательство? Нет, в это я точно не верил. Я скорее поверю, что это качественный «вмешак», чем предательство Семенова. Версию, что все подстроил Семенов, я отверг, что называется, категорически. Вася и не настаивал.

– Я обязан все учесть, сам понимаешь, – сказал Вася, – я с государством в анальные игры не играю, ибо результат известен, кто кого.

– Ты и есть государство, – пробурчал я.

Но я был доволен тем, что от ГРУ происшествие курировал старый друг. Кому еще можно доверить такое? Вы лежите без особого, можно сказать, сознания в госпитале, и в то же время имеете представление о том, что происходит на выходе из секретного подземного хода. В реальности на вас обрушивается тоннель, а в нереальности вы едете на машине, выезжаете на поверхность и получаете по голове.

В реальности вас ждут на выходе, но вы не приехали, потому что на вас упала порода, в количестве, достаточном, чтобы раздавить дивизию боевых слонов древности. Но если вы всего лишь бредили, то почему спутник в реале показал неких бородачей, чертовски напоминающих увиденных вами в бреду?

Жена моя пришла к нам на вежливые десять минут, и ушла к детям. Мы же с Васей засиделись до двух часов ночи, выдавая и прорабатывая различные версии. Два часа, густое время, когда шаткий усталый мозг еще хочет думать, но уже не может. Однако, спать не хотелось, ибо какой еще сон, когда творится необъяснимое. И для объяснения этого необъяснимого нам требовался недостающий персонаж. Как говорится, если вам что непонятно, то вы или тупой, или не у того спрашиваете.

– Линдер, – сказал Вася, – сам понимаешь... Линдер, к которому вы неслись стремглав по мрачным подземельям.

Я кивнул, потому что фигура этого товарища легко вырисовывалась в качестве того самого «объяснителя необъяснимого», в коем мы сейчас нуждались. Вырисовывалось, по привычке, эдакое гуру монастырское. Прямо ночью Василий поставил в поиск товарища Линдера, чтобы поутру иметь возможность лицезреть пред собой сие творение Кого-то Оттуда Сверху. Он, наивный, так сильно верил в возможности своей организации, что серьезно ждал звонка поутру, с докладом о поимке Линдера.

– Может, сейчас же и подыдем гуру с ложа, пусть кается? – предложил я.

– Как отыщем, сразу подыдем, – пообещал Василий, – ты это, Сережик, наверни мне еще ваш разговорчик в Семеновым. Кстати, жаль, что вы не пишется. Это же монопринципиально!

– Это никак, у нас демократия, – сказал я, – мы не пишемся, у нас камер нет в конторе. Разве только в сортире, чтоб мыло не тырили. Монопринципиальный ты наш...

Васенька грустно вздохнул.

– Эх, – сказал Васенька, – нам бы ваши... а вам бы наши.

– Нет уж, – ответил я, – пусть ваши вам, а наши нам. А чего тебя интересует, старче, я ведь уже три раза до твоего сведения все довел?

Васенька помахал над головой пальчиком, мол, вот оттуда пришла мысль, и сейчас ты, о землянин, будешь иметь счастье с ней познакомиться.

– Разумеется, артефакт, – с потрохами сдал прилетевшую, но крайне предсказуемую, мысль Васенька, – разверни-ка перед солдафоном, что у тебя на сей счет.

Что тебе рассказать, Васенька... Представь себя персонажем компьютерной игрушки. Не ерничай, Вася... Итак, ты бегаешь, прыгаешь, подбираешь алмазики, монстров постреливаешь – а где-то ты в виде двоичного кода, ноликов и единиц. Но увидеть ни себя, ни свой мир в двоичном виде ты не способен в принципе. Если где-то есть флэшка, на которой написано

«меч» – потому-что там меч – то ты не можешь узреть эту флэшку, ты можешь получить только скачанный с флэшки меч, именно меч, или красивый, обоюдоострый, или ржавый, или пластмассовый, или еще какой. Персонаж игры не может всосаться в телефонную трубку, как Нео, но он может, теоретически, управлять частичкой мира Оператора. Может же компьютерный вирус вывести изображение на экран, какую-нибудь картинку похабную, или стереть файл с жесткого диска, или, если комп подключен к умному дому, заказать Оператору в холодильник фальшивых котлет из синтетики, то есть еды? Да может, может.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.